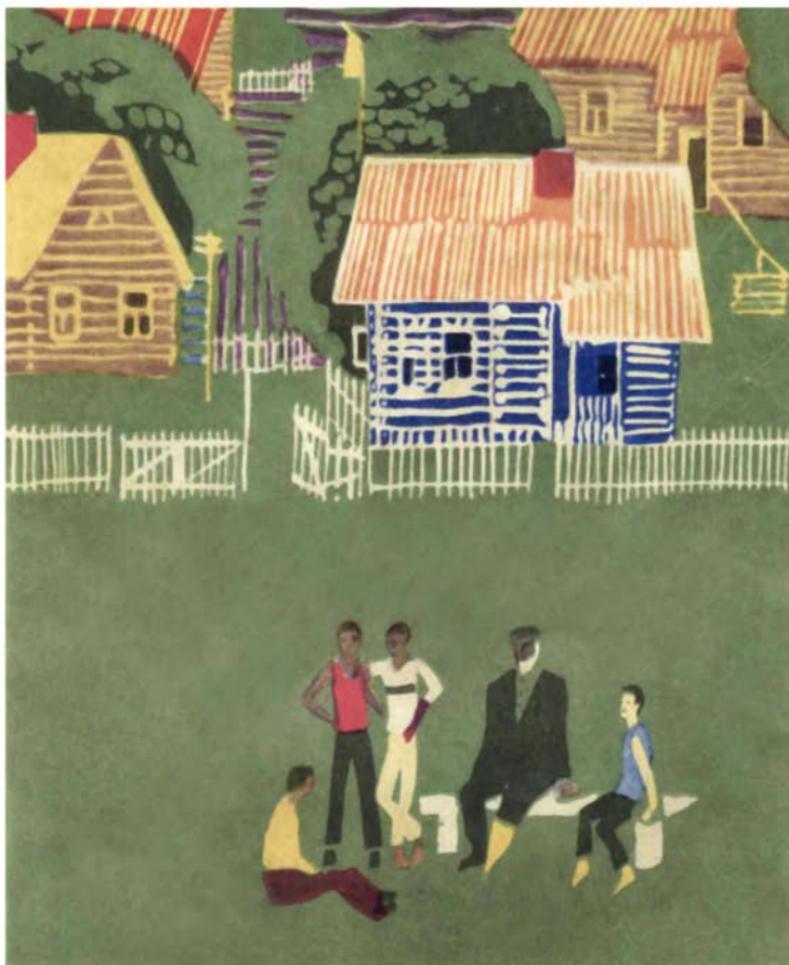

Алексей Кейзаров
ПЕРВЫЙ
РАЗВЕДВОЗВОД

АЛЕКСЕЙ КЕЙЗАРОВ

ПЕРВЫЙ
РАЗВЕДВЗВОД

Повесть

Издательство «Беларусь» Минск 1969

Оцифровка
dominas
2016

На республиканском конкурсе на лучшую книгу для детей, посвященном 50-летию Советского государства, 50-летию Белорусской ССР и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, эта повесть удостоена третьей премии.

Художник В. Тарасов

Г2
К 33

7-6-3
267-69

ПАХУЧИЕ ГРУШИ

Первый разведвзвод — так нас зовут. Вернее, мы сами себя так зовем. Да еще дед Кузьма. Пока это тайна для всех.

Целую неделю мы мастерим автоматы и сабли. Мы — это Славка Дергачев, Олег Звонцов, Федя Лебедев и я, Ленька Пальчиков. Мастерим, когда тетка Аксинья на работе. Уйдет она из дому, а мы — тут как тут, у нового сруба, где лежит дранка для крыши. А когда тетка дома, то в войну играем.

Оружие у нас отличное. Новехонькое. Правда, быстро выходит из строя. Да не беда: дранки хватает. Лишь бы ножик острый — раз-раз: — и автомат готов.

Сегодня был жаркий бой. Славка с Федей разбиты наголову. У меня с Олегом на двоих один автомат остался — остальное оружие поломалось.

И вот мы все, вчетвером, уже лежим за огородами и посматриваем на дверь старенькой хатенки. Замка на двери нет, значит, тетка Аксинья дома...

А солнце печет, и так жарко, что у меня майка мокрой стала. Вот если бы стать невидимкой, пробраться в эту хату да часовую стрелку крутнуть на «3». Тогда бы Аксинья повесила замок на дверь и ушла на работу...

Но невидимок не бывает. Это мы отлично знаем.

Чтобы скорее прошло время, мы начинаем считать. До шестидесяти. По минуте. Сначала я, потом Олег, за ним Славка, затем Федя. А минуты считаем вместе.

На двадцать первой минуте тетка Аксинья вышла из хаты. На двадцать второй она уже шагала по улице.

Но нет, нас не проведешь! В три часа кончается обед, примерно через полчаса. Это мы точно знаем. Как таблицу умножения. Назубок!

А на тридцать пятой минуте я повернулся и увидел: на льяном поле полно женщин.

— Ну и чудак же ты, Славка! Говорил, она к соседке пошла. А вон где ее соседки.

— А кто первый сказал — назубок? — заспорил Славка.

И мы тут же начали бы новую битву, если было бы оружие.

Не теряя даром времени, принимаемся за дело. Ножики аж сверкают на солнце. Жиг — и пахучая стружка отлетает прямо к стене сруба. Жиг — вот и ствол готов.

— А ну, покажите, как выходит? — слышится голос деда Кузьмы.

Что это дед Кузьма, и глаз поднимать не надо. Видно по деревяшке. Свою ногу он за Сожем, в партизанах потерял... Мы не прячем свои перочинные ножики за спины. Даже с места не вскочили. Потому что не боимся деда Кузьмы. Знаем, что он не будет ругать за эту дранку,

С готовностью протягиваем еще недоделанные автоматы. Он вертит в руках полуобстроганные дощечки, недовольно хмурится и... швыряет их.

— Не годится! — и тяжело опускается на кучу дранок.

Мы удивлены, доказываем старому солдату, что это — как раз то, что нам нужно. Больше всех стараюсь я. Дед Кузьма сердито трясет черной с прожилками седины бородой:

— Не годится. Не тот матерьял!

— А где другой взять? — злюсь и я.

— Да вот же, вот! — Он берет покоробленную дощечку, сует мне под нос: — Первый сорт!

Ну да, выдумывай. Это же пропеллер, а не дощечка. Из нее автомата не сделаешь. Выйдет кривой ствол.

— Первый сорт, — повторяет дед Кузьма, и из-под насупленных бровей выглядывает хитринка.

И снова эта хитринка куда-то прячется. А дед поднимается, смотрит на кучи дощечек и ворчит:

— Ишь ты их, как поразворачивали! Попробуй теперь крышу крыть! Протечет, определенно протечет. Вдовья крыша...

И правда: мы так разбросали дощечки, что почти половина их оказалась на солнце. И они покорибились.

— А мы, — говорю я, — можем и сложить.

Деревянная нога перестала скрипеть. И над нашими головами гудит дедов голос:

— Тоже мне скажет. Сложить... Ты же не знаешь, как сложить.

Я поднимаю глаза и вижу над черной бородой добрую улыбку. Такая улыбка почти всегда, когда дед с нами говорит.

— А вы нам подскажите, — улыбаюсь и я.

— Подскажите, подскажите... Привык в школе к подсказкам, так и тут ему подсказывай.

А все-таки он нам показал, как складывать дощечки.

Пахнувшие лесом штабеля выросли вровень с нами. Дед Кузьма положил на них дубовые чурбаки. Это для того, чтобы дощечки не покоробились, а покоробленные — выпрямились.

Только мы сложили четвертую тысячу, как приходит тетка Аксинья. Вот и попробуй теперь автомат смастерить... Да и в войну некогда играть. Надо бежать корову из стада встречать..

А тетка Аксинья, чтобы занять наши ничем не вооруженные руки, сует нам груши. Тоже мне замена! Груша — не автомат, не сабля, даже не штык. Разве граната? Да что с гранатой делать, ежели нет настоящего оружия?

— Да бери же ты, — говорит дед Кузьма. — Это особенные груши.

А мне неловко. Неудобно и Славке, Олегу, Феде. Они тоже краснеют.

Да, груши те же — кувшинки... Ну, за которыми мы лазили в сад, еще до обеда...

Мы бредем к мосту — встречать коров. И пробуем груши. Вкусные! Нет, не похожи на те.

Эти пахнут лесом — и сосной, и ольхой, и осинной. А на вкус — за уши не оттянешь!

Да, видно, мы в другой сад лазили, а не к тетке Аксинье.

Это я высказываю вслух.

Хлопцы молча кивают головами и за обе щеки уплетают пахучие груши.

ДВА МЕЛЬНИКА

А тут я вам расскажу про деда Кузьму. Потому что я, Олег, Федя и Славка подружились с ним, когда были еще в четвертом классе.

Он — мельник, единственный в нашей деревне. Да и не только в Осиновке. Нигде в округе не найдете вы ветряной мельницы. Правда, почти в каждой деревне мельники есть. Но разве то мельники? Подошел, включил рубильник — и заработала машина. А дед Кузьма — ого-о! Дед Кузьма — конечно, с нами вместе — повернет хвостовик, поставит крылья-махи против ветра, потом отпустит рычажок — и затрепещут по ветру полотнища-паруса, зашаркают жернова. И пошла-побежала белым ручейком теплая мука... Вот кто такой дед Кузьма!

Еще говорят, что он — старик с чудиной. Рассказывают, дело было так. Семь лет назад построили новую мельницу и пригласили туда нашего деда. А он не пошел. Второй раз вызвали его в правление, а он сказал:

— Леса поредели, и ветрам простор. Так дайте мне хоть ветер мельницей ловить.

Не разрешили. Сказали, что он — отсталый человек, цепляется за старорежимное... Не разреши-

ли, а дед Кузьма все равно на мельнице работает. Работает месяц, работает второй. Получают аванс, и он в контору пошел. Кассир руками разводит:

— Нету вам денег, Кузьма Иванович. Скасовали вашу должность на правлении...

— Скасовали, ну и пусть...

Целый год работал дед Кузьма, а ни рубля не заработал. Хорошо, что у него нет таких, у кого новые брюки «прогорают» на коленях за одну неделю... Бабка Ходора ворчала-ворчала да и перестала.

А потом кто-то написал в газету. Приехало аж трое — комиссия. И прямо на мельницу. Потом привезли туда и председателя колхоза. О чем там говорили, никто не знает. Только дед Кузьма с тех пор повеселел. И бесконечно твердит нам:

— Природу-матушку уважать нужно, и от того, что она дает, не отказываться...

С тех пор мы зачастили на мельницу. Залезем в самую башню — и перед тобой простор. Рядом вертятся и гремят деревянные шестерни и шатуны. А там внизу у лара с мукой, весь белый, ну прямо-таки сказочный, дед-мельник грозит нам кулаком. Грозит, а улыбается...

Только вскоре чуть не пришел конец нашей дружбе. Честное пионерское, мы тут ни при чем. Или, правду говоря, во всем виноват я... Посмотрели мы по телевизору, как тренируются космонавты.

«Ну, чем мельница — не центрифуга?» — подумал я.

Подумал и решил проверить. Стал на перекладину крыла, уцепился руками за вторую, прильнул к парусу — и пошел.

С тех пор и начали мы готовиться в космонавты.

Конечно, тайно от всех — только я, Славка, Олег да Федя.

Подпрыгнешь, уцепишься за перекладину, и крыло медленно потянет тебя в сторону, потом положит горизонтально. Затем неспеша поставит на голову и медленно, до боли в висках, вернет в первоначальное положение. Только я да Славка Дергачев делали по кругу. А остальные хлопцы — ни в какую.

И вот однажды я решил стать первым кандидатом из Осиновки в космонавты. Сделал круг, начал второй. Все шло как по маслу, и вдруг меня постигла неудача: крыло, на котором находился я, стало горизонтально. Я глянул вниз и увидел деда Кузьму. Он кричал что-то. А потом схватился за другое крыло да как толкнет его. Это чтобы мое крыло быстрее книзу пошло. Ребят у мельницы не видно — разбежались. Значит, мне за всех попадет. И я прыгнул раньше, чем крыло приблизилось к земле. Острая боль рванула за руку. Перед глазами промелькнули разноцветные круги. И — пропали...

Когда очнулся, увидел черную, в латках мучной пыли, бороду деда Кузьмы.

«Сейчас задаст трешки», — подумал я.

А он по-доброму улыбнулся и сказал:

— Пустяки... Одну косточку сорвало. С мизинца... К фельдшеру надо бы. А может, домой?

Мне, конечно, домой не хотелось. Отец — не дед Кузьма: ремня не миновать...

Фельдшер накричал на меня. И деду Кузьме попало:

— Теперь видите, до чего довела ваша мельница?

— Ты мельницу не трожь. Виноват я, не досмотрел малышей...

— А человек остался беспальым!

Я молчал, только морщился от боли. Что я мог сказать? Конечно, дед Кузьма тут ни при чем. Он хотел, чтобы я быстрее «приземлился», поэтому и толкнул другое крыло. А я думал, что он хочет поймать меня да крапивою. Поэтому и прыгнул на землю. А мизинец между гвоздями зацепился...

Болит — терпения нет... А что дома скажут? Дед Кузьма, будто отгадав мои мысли, говорит:

— А мы давай-ка в сад заглянем.

И прямо от медпункта сворачивает в колхозный сад. Хитрый дед Кузьма! Явись я сейчас домой — начнутся допросы: что да как... А так пройдет некоторое время, и обойдется. Может, и не узнают отец и мать.

Ну, про наш сад я потом расскажу. А мать с отцом и не узнали бы. Дед Кузьма — твердый на слово человек. Про все фельдшер разнес по деревне.

С тех пор я стал вторым «мельником». Так меня придразнили хлопцы.

А тут, как назло, и фамилия такая — Пальчиков. Пальчиков без пальца, без мизинца...

Вот поэтому я теперь не хожу на мельницу. И Славка не ходит, и Олег, и Федя. Правда, дед Кузьма сам там редко бывает. Страда: люди все в поле.

НЕ ТО СКАЗКА, НЕ ТО БЫЛЬ

Под окошком — свист. Ну, конечно же, это Славка. Больше так никто не умеет свистеть. Вот и чумазое от загара лицо показалось в окне. Я завидую не только свисту, но и Славкиному загару.

А вот Славкиному носу не завидую. Нос у него какой-то неудачный, лупится. Хватаю со стола кусок булки и выбегаю на улицу.

— Скорей, — шепчет Славка и таинственно оглядывается. — Дед Кузьма на совет кличет.

— Что-о?!

— Так и сказал: «Беги всех на совет покличь».

В голове сотня, нет, две сотни догадок. Может, как поймать сома, который под кручей живет? А может, чтобы пойти на тетеревов?

На лавочке уже сидят Олег и Федя. Не сидят, а ёрзают. Разве усидишь, если сам дед Кузьма собирается с нами держать совет?

Не один час пролетел, пока вышел дед Кузьма за калитку. Я даже обиделся: позвал, а сам дома сидит. А ты тут продирай штаны на его лавочке.

Вышел дед... с обыкновенным молотком. Вот те и раз! Хоть бы с удочкой, а то невидаль какая — молоток...

Только глаза — вприщуре. И улыбка такая таинственная, ну, такая, что про обиду начисто забудешь. Повскакивали мы. Готовы хоть в огонь, хоть в воду!

— А вы сидите, сидите, — и сам присел. Поглаживает свою бороду, вдаль посматривает. А потом и говорит: — Расскажу я вам сказку.

Мы опешили. Смеяться, что ли, вздумал над нами? Звал на совет, и на тебе — сказку...

А все-таки интересно. Ни разу не слышали от него сказки. Ежели и рассказывал, то былль. Так и говорил: «Былль». А тут — сказка.

Дед Кузьма закурил, выдохнул целое облако дыма. И оттуда, из-за сизой завесы, послышался вроде и не дедов голос:

Густо клубилась пыль под копытами, и пена летела о лошадей, обрызгивая всадников. А плети свистели. Видно, плети хотели поднять лошадей и всадников над этой пылью. Поднять, чтобы они взглянули на ту деревню, где беляки мучают и старых и малых.

Но деревушка сама вырвалась из-за поворота и полетела навстречу первому разведвзводу.

Полетели и пули. И вот уже упал командир, и тревожно заржал его боевой конь. И взвод скупился, смешался.

Пыль осела, растаяла седым туманом.

Гуще зазвенели пули, а пулемет аж захлебывался свинцом.

И тогда выскочил вперед на сером коне паренек и крикнул:

— Слуша-ай! За мно-ой!

Снова полетел первый разведвзвод — с новым полетел командиром.

И дрогнули беляки. И уже за деревушкой за клубилась пыль. Только не копыта наших коней поднимали ту пыль...

А в деревушке тоже клубилось. Не пыль — дым клубился над хатой...

И тот же самый паренек в серой папахе на сером коне зычно крикнул:

— Взво-од! На пожа-ар!

Брезентовые ведра не звякали. Только колодезные журавли скрипели.

И потух пожар. И люди обрадовались, что в деревне опять свои, что от беляков и духу не осталось.

Только одна хозяйка хаты тихо плакала. Была хата как хата: с крышею, с потолком. Подождгли бе-

ляки соломенную крышу. И нет крыши, и нет потолка. Одни стены. А во дворе осень...

И снова раздалась команда. Аркадий — новый наш командир — сказал:

— К вечеру дом покрыть, потолок настлать!

Почесали старые вояки седые головы. А те, что помоложе, крикнули в один голос:

— Сделаем, товарищ командир!

А как ты крышу покроешь, чем потолок настелешь?

И тогда Аркадий приказал коней расседлать и в лес ехать за бревнами. А кузнеца посадил гвозди из проволоки сечь.

Визжали пилы, кололась дранка, звенела наковальня. Сам командир то доски пилит, то зубилом проволоку рубит. И первым стропила полез ставить. Крышу крыть тоже первым полез.

— В четыре дранки! — приказал он.

«Эге, — подумали старики. — Солнце с полудня рушило, а он — в четыре. Добро бы в две...»

А потом улыбнулись старые вояки. И правда ж: дранка-то сырая, рассохнется — будет решето, а не крыша. А четыре — не две! Молод, а умен Аркадий, — решили бывалые солдаты.

Кипит работа, спорится.

Подбежал жевжик этакий, ну вроде вас — тютелька в тютельку. Сынок вдовый, значит.

— Дядь, — потянул он за полу шинели нашего командира. — А чем же вам платить? Мамка спрашивает...

Слез командир с лесов на землю, положил руку на плечо пареньку и говорит!

— С тебя для меня и коня моего — ведро воды студеной.

— Всего ведро? — удивился парнишка. — А им, ну, всем, которые с тобой?

— А им тоже заплатишь. Дров наколешь их женам, воды принесешь, скотину накормишь, за малышами посмотришь, когда мамы заняты.

— Я? Один? — удивился парнишка.

— Зачем один? — сказал наш Аркадий. — Видишь, не один человек на крыше, не один человек доски пилит, drankу дерет... Так собирай-ка ты, малыш, свой малышовский взвод!

— А как я найду, где живут тети этих дядей?

Молодой командир улыбнулся и сказал:

— А не надо искать. В своей деревушке всем помогите. А другие малышовские взводы — в других деревнях. И в тридесятой деревне ваши храбрые разведчики найдут тетей этих дядей. Непременно найдут.

Дед Кузьма снова окутывается дымом, уже новой сигарки. И молчит.

— А дальше что? — не вытерпел Славка. — Что было дальше?

— Что нужно, то и было. Дом покрыли, потолок настлали. Потом сабли в руки, и пыль — за нами... А был — перед вами.

Что-то знакомое, ну, совсем-совсем знакомое послышалось мне в этой были. Ну, конечно же, конечно...

— Так это ж Аркадий... Гайдар! — выдохнул я.

— Гайдар? — переспросил старик. — Что Аркадий — так это точно. А фамилия — нет, не такая...

— Ну, конечно же, Гайдар! — кричу я на всю улицу. — Гайдар!!!

— Запоматовавал, — виновато говорит дед Кузь-

ма. — Память не та. Только не Гайдаром знали нашего командира.

— Да он же, он, — уже и хлопцы подтверждают. — Он о тимуровцах писал. Ну, «Тимур и его команда».

— Не знаю, не знаю... А что мальшовские взводы нашли и мою семью, так это точно. Долго искали, а нашли все-таки. Нашли перед самой войной с немцами. Да и после войны не позабыли. Ну, когда без ноги остался и раны не гноились... Да разъехались мальшовские взводы, разъехались Хлопцы, — вздохнул старик. — Одни в город, другие на целину...

Будто только этого я и ждал:

— А мы на что?

— Да я... да мне помощи не надо, — смутился дед Кузьма. — Я и сам теперь — уга-а! Другим вот пойду помогать. Аксинье хотя бы...

— И мы с вами! — сказал Славка.

— Мы — первый разведвзвод! — подумав, согласился и я.

Снова хитринка мелькнула и спряталась в дедушкиных морщинках.

— Ишь ты, первый разведвзвод! А ты заслужи такое званье...

Молча бредем вслед за ним по пыльной улице. Тихонько перешептываемся. И я снова подбегаю к деду:

— Ну, разрешите так называться, а? Мы заслужим. Ну, честное пионерское, заслужим!

— Что ж, — поразмыслив, сказал дед. — Разрешаю. Тайно. Пока не заслужите. А заслужите — тогда и в открытую можно.

МЫ КРОЕМ КРЫШУ

Сначала построили леса: поставили столб, к нему — перекладину, а второй конец прибили к стене. На поперечины — дощатый настил. Вот и всё. Немудрено, конечно же. Немудрено, да без этого трудно крышу крыть. Это, как сказал дед Кузьма, плацдарм, с которого развиваем наступление на крышу. По дощатому настилу ходит наш дед — начинает первый ряд крыши. А мы таскаем сюда дранку.

Прыг-скок по лестнице — и там. Прыг-скок — и второй десяток дощечек лежит на плацдарме.

Оно б то интересно. Если бы не Славка. Славка распиливает дощечки на три части — это так надо для первых рядов. И мне завидно. У Славки настоящая работа. А у меня, как у всех, — у Олега и Феди. И я завидую даже капелькам пота, что на Славкином облупленном носу. А мы как ни таскаем, а пота нет...

— Ну, дай мне, — клянчу уже не первый раз.

— Не мешай, — отзывается Славка и свысока смотрит на меня, будто я не его друг. Потом нехотя протягивает ножовку. Но тут же отдергивает и снисходительно спрашивает: — А не испортишь?

Эх, ответил бы тебе, задавака. Да нельзя: не даст пилку.

— Я потихоньку. — А рука уже сама тянется к ножовке, сжимает горячую ручку.

Ура! Вот это работа! Жиг-вжиг, жиг-вжиг! — и отлетает кусок. Жиг-вжиг, жиг-вжиг! — и второй.

Вот и целый десяток отрезал. Щупаю лоб и нос. О, теперь и у меня пот! А раз пот, значит, я парень

что надо: могу работать! Дед Кузьма так всегда говорит.

Он уже заканчивает первых два ряда. Стучит и стучит молотком. Как дятел! Гвозди будто сами лезут в дощечку. Правда, не всегда. Попадется дощечка-пропеллер, гвоздь отпрыгнет, зазвенит, будто жалуясь, и упадет на землю.

— Пересохли, — ворчит дед Кузьма. — Ваша работа. Разбросали на солнце...

Мы, конечно, молчим. И чтобы хоть как-либо загладить свою вину, сразу же вчетвером ищем гвоздь. Дед, усмехаясь в бороду, ворчит, но уже добродушно :

— Да ладно вам, ладно. Подумаешь, пропажа — гвоздь...

Пропажа — не пропажа, а все-таки мы виноваты, что пересохли дощечки, поэтому гвозди и не хотят забиваться. Как это мы раньше не додумались сложить дощечки в штабеля?.. А дед Кузьма, будто в отместку, сбрасывает тонюсенькую, видно, ни на что не пригодную дранку и говорит:

— Вот эта в самый аккурат. Для сабли.

А мы и не смотрим в ту сторону. Мы только быстрее снуем по лестнице и так загружаем настил, что старик командует:

— Довольно. Пора отдохнуть, — и сам садится на лату. Его деревяшка, что дуло зенитки, нацелена вверх. Как он крышу будет крыть, когда с настила не достанет?

— Поживешь — увидишь, — смеется дед Кузьма.

— А я теперь хочу.

— А теперь вот полезай на конек и посмотри, не идет ли с работы Аксинья.

Мне только этого и надо! Как белка, забираюсь

на самый верх. До чего же красиво! Дома, сады и заборы совсем иные, чем снизу смотреть на них. А крыши так и переливаются на солнце. Дощатые, шиферные, жестяные. Интересно, почему это мы до сих пор не замечали, какие у кого крыши? Сады-то замечали. И знали назубок заборы, которые от нас сады защищали. Да и сады сверху не такие, как снизу. Сады — зеленые озера. Правда, с желтой пеной. Яблоками и грушами пенятся сады!

Колхозные поля пестрым потоком подступают к зеленому лугу. Нет, тетка Аксинья еще не идет домой. На поле — полным-полно женщин. Они теребят лен. Уже маленькими бабками усыпано полполя. Обобьют этот лен, положат на стлице, а потом — на машины и на завод. Интересно бы побывать на льнозаводе. Подивиться, как там из жесткой соломки лен превращают в волокно. А потом бы поехать на фабрику да посмотреть, как ткут — ну, хоть бы вот эти штаны. Они всегда почему-то рвутся на коленках. О, если бы толстую нитку на мои коленки. Но на моих штанах обыкновенная нитка, а потому я только и слышу:

— Опять коленки прошуровал!

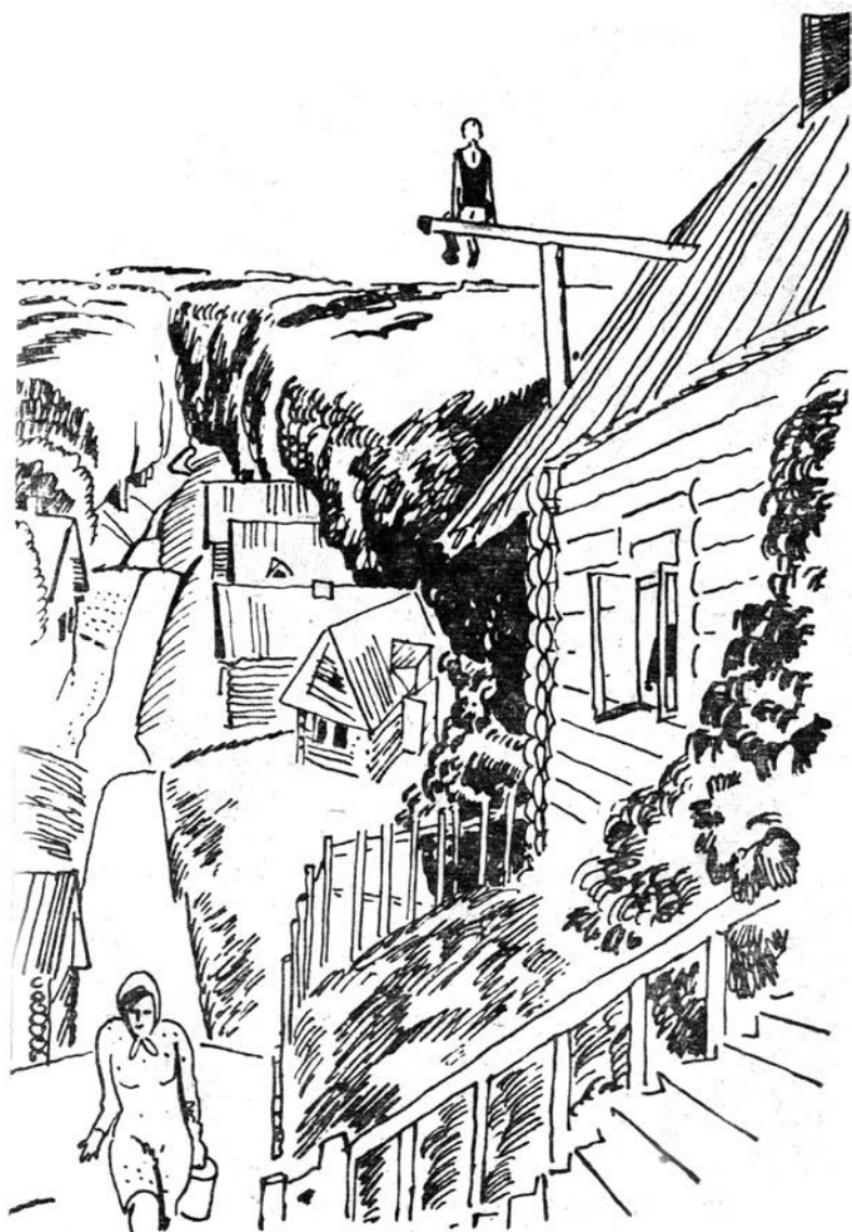
Вот бы зайти к директору фабрики да попросить: так, мол, и так... Избавьте, товарищ директор, от вечных упреков. Скажите своим рабочим, чтобы для коленок потолще нитку пряли...

— Эй, ворон считаешь? — кричит Славка. — За работу!

Я неохотно спускаюсь на настил. А сам думаю, что ответил бы тот директор...

А вечером мы собрались в нашей бане. А в бане потому, чтобы никто не подслушал.

Первым взял слово Славка:

— Хлопцы, пусть Ленька будет командиром!
Кто — за?

Все мои друзья подняли руки. И я поднял.

— Единогласно! — сказал Федя. — Даже сам не против.

— Да я... за ухом зачесалось...

Если уж говорить откровенно, так больше всех мне не нравится Федя. Не сказать, что совсем не нравится. А только когда начинает подкалывать, шпильки подпускать. Чуть ты споткнулся, он уже на смех поднимает. Будто остальные сами не видят.

— А какое звание присвоим ему?— спрашивает Славка с таким видом, будто меня тут вовсе нет. — Мы — рядовые. А командир должен со званием.

— Лейтенанта, — тихо предложил Олег Звонцов.

— Младшего? Старшего? — уточняет Славка.

Все задумались, а сердце мое так и такает: хотя бы не младшего...

Наконец решили, просто — лейтенант.

Ура! Отныне я, Ленька Пальчиков, — командир разведвзвода! Лей-те-нант!

МИКИТА СИЛИВОНЕЦ И ЕГО ВНУЧКА

Целую неделю мы кроем крышу. Оружие вовсе не мастерим. Но про войну не забыли. Война идет. Ежедневно. Все новые и новые силы вступают в строй. Наши солдаты с каждым часом занимают новые позиции — то есть новые латы на крыше. А мы — это не просто Славка, Федя, Олег и я. Мы — командующие армиями. Мы формируем полки и ди-

визии — это значит, таскаем по лестнице дощечки. Расставляем их по фронту — это значит, раскладываем и подсовываем дощечки под руки деда Кузьмы. Обидно одно: как командир разведзвезда, я не командую своими хлопцами здесь, на крыше. Всё — дед Кузьма.

Дед Кузьма — вроде командующего фронтом. Оя каждого солдата ставит на свое место в длинном строю кровельной шеренги. Дед Кузьма сидит на командном пункте, который называется «КП», деревяшка ведь — не настоящая нога, и можно полететь на землю.

Говоря откровенно, я тут немного преувеличиваю. Целый день на крыше только наш дед. А мы — часа по два. Натаскаем дощечек, один из нас останется помогать деду, а мы втроем беремся за другие дела.

Что правда, то правда: дел у нас прибавилось. В колхозе «горит» лен: ну, переставивает на корню, рыжеет. Все женщины в поле, теребят лен. А мы с их малышами.

И дались же нам в знаки эти малыши! Теперь, правда, мы немного привыкли. А в первые два дня не было жизни. Оттого, что они плачут, хныкают и пищат... И вот что мы придумали. Собрали все игрушки в деревне и принесли к нам. Кто дал пару кукол, кто — лошадку, кто — самосвал, кто — кубики, кто и еще что. И наша веранда стала вроде детсадика. Малышам хорошо. Они играют на веранде и во дворе. Конечно, под нашим руководством.

Один Микита Силивонец не дал игрушек. Жадина этот Микита. Даже в дом не пустил. Мы тогда ему — ультиматум:

— Внучку не возьмем!

А он этак преспокойно сплевывает сквозь свои желтые зубы:

— А я и не доверю свою Наташку всяким соплякам.

Обидно. Чтоб нас да так обозвать?

Рассказали деду Кузьме.

— А-а, не трогайте вы Сапуна.

Это Микиту так называют за нелюдимость. Всё в сторонке от людей, всё один да один. И в свою кузницу нас не пускает. Правда, в колхозе есть и большая мастерская. Да туда идти далеко, а главное, из-за трактористов да шоферов в нее и не сунься... В его же кузницу, что на выгоне, редко кто заходит. Привезут неисправную телегу, поломанный плуг или беззубую борону, ну и звенит молотком Сапун, сопит кузнечным мехом. Искры так и скачут в полумраке кузни.

Очень хочется посмотреть, как скачут живые искры. И почему одни зеленые, другие красные, а третьи как стекло. Соберемся мы, а он, чумазый, высунет голову из двери и кричит:

— Прочь, сопляки!

Иначе он нас и не зовет.

За это мы дразним его — «Полицай». Конечно, когда далеко отбежимся. Правда, он не гонится за нами, а сразу как-то горбится и тихо исчезает в черном проеме двери. Долго не слышно кувалды. А потом как начнет дубасить — дотемна звенит наковальня...

Вот этот, значит, Микита не дал нам игрушек. А сегодня Наташка — его внучка — пришла в наш детсадик. Федя показал ей от ворот поворот:

— Иди к деду, жадина!

— Я кукулов принесла...

— Куклов, куклов,— рассмеялся я.— А дед знает, что ты пошла сюда?

Наташка молчит. Одну куклу уронила, трет кулачком глаза. А левой рукой держит вторую — голышку безногую. Я теряюсь, когда плачут. А поэтому не знаю, что предпринять, и поглядываю на друга.

— Ну во-от, нюни распустила! — морщится Федя, но от своего решения не отступает: — Марш к деду! Нам не нужны тут всякие... полицаи!

— А ну, иди сюда!

Мы оглянулись. У калитки стоит дед Кузьма и кого-то из нас подзывает пальцем. Наташка от грозного окрика прячется за веранду. Уже две куклы валяются между мной и Федей.

— Третьему поколению мстишь, вояка?— незнакомо-хриплые слова вылетают из густой бороды деда Кузьмы.

Он отворачивается от нас, достает кисет. Свертывает сигарку и никак не может свернуть: просыпается табак. Мелко дрожат узловатые пальцы. Я стою не шевелясь и никак не пойму, что так расстроило нашего деда. Федя тоже молча ковыряет землю большим пальцем правой ноги.

— Ну какой же Микита полицай?— бубнит он, заикаясь. — Два месяца в полиции пробыл, а больше года в партизанах... Да если он полицай, при чем внучка? Микита пятнадцать лет на севере отбыл. Теперь вот работает. Как все... Так-то.

— А что он — предатель, это ничего, да? — вдруг тонким голосом кричит Федя. — Из-за него половина деревни погибла!

Дед Кузьма молча смотрит на Федю и долго гасит недокурок.

— Я вот сам был в партизанах, а сказать, что Микита предатель, язык не повернется... Вот так-то! — и уходит.

Мы стоим ошеломленные и смотрим в широкую спину деда Кузьмы. Спина чуть подрагивает, когда он заносит свою деревяшку...

Наташка боязливо выскользнула из-за веранды, хватая свои куклы и шмыгает в дверь. Ее белесая головка мелькнула среди черных и таких же белесых головок на нашей веранде и растаяла, пропала...

— Вот, черт, забыл! — первым приобретает дар речи Федя. — Дед Кузьма тогда не в партизанах, а в связных ходил. Уже без ноги. Ему ногу отняли в сорок втором. Помнишь, сам рассказывал. А лагерь разгромили в сорок третьем. Откуда ему знать, кто предатель?

— Ну что нам за дело, Федя? В конце концов Микита получил по заслугам.

— Эх ты! — отшатнулся он от меня. — А я, дурак, еще дружу с таким. Твоего же деда расстреляли, а Микиту выпустили...

— Не выдумывай! По Мнките стреляли. А он убежал...

— Видно, так стреляли, чтобы убежал. А ты его защищаешь! Предатель! — Федя рванулся за калитку.

Я стою как вкопанный. А на веранде — сплошной рев. Видно, что-то не поделили там наши подшефные.

— Федя, вернись!

Он шагает вразвалочку, будто не его зовут,

— Рядовой Лебедев! На дежурство!

Медленно повернувшись, Федя идет назад.

— Все равно прогоню полицайку, — хмуро бросает, проходя мимо и не глядя на меня.

— Не смей трогать Наташку!

А все-таки Наташку он прогнал, и она с плачем протопала мимо Аксиньиного сруба в кузницу...

Вскоре явился и сам Федя.

— Отвечай, почему прогнал?

— Отстань, Ленька, — отмахнулся он, как от осенней мухи.

— Я тебе не Ленька, а товарищ командир, — замечаю очень спокойно, а так хочется дать ему по шее. — Почему не выполнил приказ?

— Тоже мне — командир... Какой же ты командир, когда даже своих от чужих не можешь отличить?

— Ты обязан выполнять каждый приказ командира беспрекословно. Ясно?

— Дудки! Чтобы я не подумав выполнял? А этого ты не хочешь? — И он сунул мне под нос кукиш.

Не знаю, как бы кто, а я этого не мог стерпеть...

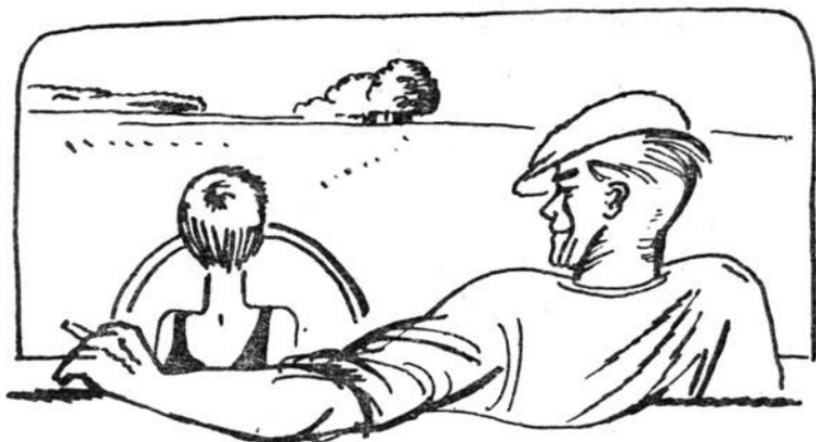
Потом нас судили. За драку. Судили Олег Звонцов и Славка Дергачев. Решили единогласно: наряд вне очереди.

НАРЯД ВНЕ ОЧЕРЕДИ

Вот чудачки! И надо же дать такой наряд: подвозить горячее к тракторам, которые таскают комбайны, а те, в свою очередь, убирают люпин на силос. Это замечательная работа, и я предлагаю Феде:

— Давай еще раз подеремся!

Но Федя не хочет со мной разговаривать. Насу-

нул кепку на глаза, отвернулся. Ну и ладно. А мне-то что? Правда, скучно, пока молчаливый кладовщик нальет горячее да пока доедешь до деревни. А потом — хворостину в руки, и пошел! Только пыль столбом. Даже Феде не видно. А может, он упал с задка телеги? Придерживаю лошадь, чтобы пыль улеглась. Нет, сидит насупившись.

И я снова машу хворостинкой. Лошадь мчится во весь опор. Так и хочется крикнуть Феде: «Устанавливай пулемет — разворачиваю тачанку!» Но белых нет, и фашисты давно побиты. И не «максим» на моей тачанке, а самая обыкновенная бочка. Да это полбеда. Беда, что Федя сегодня не поймет меня.

Когда подъезжаю к срубам тетки Аксиньи, приостанавливаюсь и двумя руками показываю Олегу «нос». Олег делает вид, что ничего не замечает. А дед Кузьма грозит кулаком: тише, мол, гони коня, ветрогон...

А все это дед Кузьма такой наряд вне очереди подсказал нашим судьям. Бригадир, значит, попро-

сил его кого-нибудь из нас отпустить, а дед и говорит:

— Есть у нас, Архипыч, проштрафившиеся хлопцы. Пусть идут в твое распоряжение.

Хорош наряд! Жаль только, что мало ехать. Рядом с выгоном — зеленая стена люпина.

Трактор останавливается, машина, которая идет под хоботом комбайна, также тормозит. А зелень все еще сыплется из брезентового рукава в полный уже кузов.

Пока тракторист заливает горючее, я успеваю облазить и комбайн и трактор. Не знаю, как кому, а мне интересней на тракторе. Федя же залезает на комбайн. В кабине и он поместился бы, даже тракторист махнул ему рукой. А Федя будто не видел, примостился возле комбайнера. Ну и ладно. А мне-то что?

А может, и правда? Может, Микита Силивонец предатель? Сидел же где-то на севере. А туда, говорят, ни за что ни про что не загонят. И опять же: чего сторонисься людей, если ты ни в чем не виноват? А тут почти вся деревня — бывшие партизаны. Но тогда почему Микита не уезжает отсюда, чтобы не мозолить людям глаза?

— А может, попробуешь, а? — кричит мне на ухо тракторист.

Я смотрю на его загорелое, будто в солярке, лицо и не могу поверить. Разрешает мне ехать? Мне, Леньке Пальчикову?

Хватаюсь за руль... Баранка горячая и скользкая. Руки виляют то вверх, то вниз.

— Ровней, ровней! — кричит в самое ухо тракторист.

Я впиваюсь пальцами в баранку, и она слуша-

ется меня! Трактор слушается Леньку Пальчикову. Ура!

Оглянулся: в оконце кабины мелькнуло надутое Федино лицо. Ага, завидуешь, то-то же.

А трактор идет. Трактор мчится рядом с высокой зеленой стеной. Даже голова закружилась. Наверное, от счастья!

— Ну, отдохни, — большие в мазуте руки ложатся рядом с моими. — Сможешь, парень. Сможешь!

Я улыбаюсь во весь рот. И вдруг:

— Человек! Челове-ек!

Это закричал я. Закричал не своим голосом.

Трактор дернулся раз — второй. Я полетел вперед, больно ударился головой. Когда же открыл гла-

за, увидел то же самое. Путь комбайна пересекала широкая полоса, и метрах в полтора от трактора лежал человек. Правда, теперь я видел эту полосу не впереди, а рядом — в открытую дверку.

Человек лежал лицом вниз, широко раскинув руки. Кисти прятались в зарослях люпина, и были видны лишь бугристые бицепсы. Такие бицепсы только у Микиты-кузнеца...

Тракторист, белый как полотно, пошатываясь, подошел к нему. Комбайнер тоже слез с сиденья и, путаясь ногами в люпине, пошел туда же.

Микита был пьян. Его долго тормошили, пока открыл глаза.

— Д-да т-ты, с-сволочь, что д-делаешь?— заикаясь, крикнул тракторист.

Микита повел осовелыми глазами, пробормотал:

— Всех... к черту! — и снова упал на землю.

Комбайнер схватил его за плечи, приподнял:

— П-посмотри-и!

Кузнец часто заморгал, уставился на комбайн, метнул взгляд на трактор и вдруг вскочил на ноги. В ту же секунду он стал как все: бледный, трясущийся.

— Г-гад т-ты п-печеный! — не выдержал тракторист и со всего размаха ударил Микиту по небритому лицу.

— Бей-те, бей-те, — жалобно заскулил Микита. — Так мне и надо... — И почему-то как подкошенный рухнул в люпин.

— Да что ты добро мнешь? — сказал комбайнер. Сказал не грозно, будто упрекнул...

Я не мог больше оставаться тут и тихо побрел в деревню. Вскоре меня догнал на лошади Федя Лебедев.

— Садись, командир, — криво усмехнулся он. —
Случай необыкновенный...

Не глядя на него, я прошел мимо. Мне не хотелось с ним говорить.

Когда я подошел к Аксиныному сруб, дед Кузьма покачал головой:

— Это же все из-за Наташки. Лида, дочка Микиты, мне жалилась, Просила, чтобы вы в свой садик приняли Наташку, Ну, а Микита напился. С горя напился...

Дед Кузьма слез с крыши и поковылял к кузнице.

СЕРЬЕЗНОЕ ДЕЛО

Крышу закончили, и совсем не рады этому. И дед Кузьма не рад. Потому что тетка Аксинья сует и сует деньги. Мол, за работу,

— Да что ты, молодка, — отнекивается дед.

Мы просто так, с охоты взялись. Правда, хлопцы?

— Конечно!

— Нам нельзя брать деньги, — говорит Олег. — Потому что не по-тимуровски.

— А мне что делать? — разводит руками огорченная тетка Аксинья.

Назавтра мы все-таки придумали, что делать тетке Аксинье. Олег Звонцов придумал. Он хоть медленно думает, зато уж как придумает, то на пять с плюсом. Только дед Кузьма предупредил:

— Не больше на полторы десятки. Да пусть сама, а не вы... Ну да я сам с ней переговорю.

А через час мы торжественно внесли на нашу веранду большой сверток. Федя смотрел, за малы-

шами, поэтому он не знал, что мы придумали, и очень удивился. Развернули мы сверток — а там игрушки, книги. На целых пятнадцать рублей. Это тетка Аксинья купила по нашему списку. А от себя — кило конфет, фруктовых.

Вот так мы и рассчитались с теткой Аксиньей. Правда, она по всей деревне рассказывала:

— Это же надо: приходили мужчины из Олешни, так сказали пятьдесят рублей за крышу и харчи. А наш Кузьма с хлопцами...

И так начинала нас расхваливать, что поневоле покраснеешь. Ну хоть ты на улицу не показывайся!

А недели через две, когда уже начались занятия, такое случилось, что и вправду стыдно было на улицу показаться.

В саду между рядами молодых деревьев весной колхозницы взрыхлили землю и посеяли морковку. За лето она выросла, и теперь женщины убрали эту морковку. Ну и мы пришли туда, после уроков, конечно. Помогаем убирать. Ту самую морковку, за которой лазили в сад и где нас однажды поймал дед Кузьма.

— Жаль, что нет крапивы, — сказал он тогда и так посмотрел на мои штаны, что я сразу почувствовал это жгучее растение. — Не лучше ли подойти ко мне да по-честному попросить. Так нет же...

Странный дед Кузьма. Совсем неинтересно, когда тебе ни за что ни про что дают. А вот когда ползешь по-пластунски метров сто, а потом набиваешь морковкой полную пазуху — это совсем другое. Но мы не стали объяснять...

Это случилось в середине лета, и морковка была еще маленькая. А теперь она большая, сладкая —

во рту тает. Мы вырываем ее и относим колхозникам. Они обрезают ботву и откладывают морковку в сторону. Вечером мы перетаскиваем ее в бурт.

На другой день прибегаем мы в сад и видим: женщины сами рвут морковку, подозрительно на нас посматривают и о чем-то шепчутся.

Оказывается, кто-то воровал морковку. Вчера бурт не присыпали землей, а только соломой прикрыли, и в этой соломе такая дырка, что впору кому-нибудь из нас пролезть...

Выходит, поздно вечером мы таскали из бурта морковку. А зачем она теперь? Разве не хватает яблок и груш? Сколько угодно. Но попробуй докажи старшим...

— Постою же, негодный вор, мы с тобой рассчитаемся!

— Хлопцы, сегодня, как только стемнеет, все — в нашу баню!

— А чего? — поинтересовался Федя.

— Там узнаешь.

Вечером я сижу на чердаке бани и смотрю в серую темноту. Вот показался Славка Дергачев. Идет спокойно и уверенно — молодец! Потом появился Федя. Пройдет пару шагов, постоит и снова вперед. Подойдя к бане, громко зашептал:

— Ленька! Ленька!

Мне нужно испытать: трус он или нет. Командир разведзвода все должен знать о своих рядовых. И я молчу.

Федя пятится от бани.

— Иди сюда! — зовет Славка.

Олег Звонцов идет огородами и посвистывает. Посвистывает он, конечно, для смелости, но идет без остановки, не то, что Федя.

Я соскакиваю с чердака бани и приступаю к делу.

— Хлопцы! — говорю. — До каких же пор мы будем терпеть эту клевету?

— Какую клевету? — спрашивает Федя, но я не отвечаю ему.

— А как доказать? — Олег морщит лоб, и лицо его и без того черное, как у цыгана, еще чернее при свете закопченного фонаря.

— Сторожить, — говорю. — И мы поймаем вора!

— От нас никуда не уйдет! — поддерживает меня Славка.

— Держи карман пошире, — ухмыляется Федя.

— Эх ты, Федя, — упрекаю я товарища.

— Да я что? Я ничего. Я как ребята.

— То-то же! — И я поворачиваюсь к Славке с Олегом. — Взвод, слуша-ай! Сегодня мы пойдем в сад. Но сначала разработаем план захвата. Я как командир и лейтенант предлагаю вот что...

Но ни разработать плана захвата, ни пойти в сад нам не довелось.

За дверью послышались шаги, а потом и голос Славкиного отца:

— Вот вы где, голубчики! А за ваши темные делишки родители отвечай?

Мы уныло плетемся домой. Всегда эти взрослые помешают. Ну и люди...

Федя ехидно шепчет:

— А Славкин папа вроде генерала.

Я даю ему кулаком в бок. Тут серьезное дело, а он ухмыляется. На нас возвели напраслину. А теперь ломай голову как оправдаться. Не виноват, а оправдывайся... А что, если и у Микиты Силивонца вот так? Нисколько не виноват, а весь век му-

чайся. Нет, он, конечно, виноват: все-таки в полиции был...

А мы? Мы только раза три, ну от силы пять, слазили летом в огород. Да и то та морковка была с мышиный хвостик. А теперь вот отвечай: воры — да и все.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

На следующий день снова шагаем в сад. Настроение скверное, и чтобы не поругаться друг с другом, насвистываем песни. Такое у нас правило: вместо ссоры — свистеть. Этому нас научил дед Кузьма.

В саду уже не поглядывают на нас искоса и не шепчутся, а прямо в глаза говорят:

— Пять лет никто ничего не воровал. А вот же нашлись сопляки.

Женщины обзывают нас так же, как Микита Силивонец.

— Хорошенько бы их, крапивою! — замечает Славкина мать.

Мы стараемся не задерживаться у бурта и все таскаем и таскаем. У каждой колхозницы гора необрезанной морковки.

— Отдохните, ребята, умаялись небось, — сочувствует Аксинья.

Не отвечаем: какие мы ребята, мы для вас — воры.

Пришел дед Кузьма. Ни о чем не расспрашивая, повел он нас в сад. Сад такого же роста, как и дедушка. Не надо ни на яблони залезать, ни подпрыгивать — стой и срывай любое яблоко. Правда,

не любое. Дед Кузьма специально вырастил для таких, как мы, двенадцать яблонь и три груши. Стоят они небольшой рощицей. Детский сад — так зовет его дед Кузьма. Здесь мы полные хозяева. И ухаживаем за садом, и яблоки с грушами едим. Рядом — питомник, тоже наш. Из него деревья идут на «ремонт» большого сада, на усадьбы колхозников. Из этого питомника две машины саженцев отвезли в город, на продажу. Здесь почти у каждого из нас отдельный ряд деревьев. И не было случая, чтобы, сорвав яблоко или грушу, мы прошли мимо своего питомника. Дело в том, что пятьсот яблонек мы растим для совхоза «Минский». Есть такой на Кустанайщине. Наши белорусы когда-то его основали.

Вот и сейчас, аппетитно похрустывая наливными антоновками, идем к питомнику.

Молодые стройные деревца шелестят листвой, будто рассказывают, как провели эту ночь.

— Надо взрыхлить, — замечает Олег.

И в самом деле, частые дожди утрамбовали землю.

— А когда мы их отошлем?— спрашиваю я.

— В октябре. Видишь, лист еще крепко держится.

Шумят, о чем-то переговариваются между собой наши «целинники». Крона у них низкая и густая, почти штамба не видно.

— На днях нужно моху привезти, — говорит дед Кузьма.

— А для чего он? — спрашивает недогадливый Федя и шмыгает носом.

— Корень укутывать, чтобы не засох, пока дойдет до Кустаная.

Потом просматриваем окулировку. Почти все почки прижились.

— Ловко получилось у вас, молодцы! — хвалит дед.

А время не стоит на месте. Надо бежать в сад, к морковке. К морковке-то с охотой, а вот к бурту... Дед Кузьма, угадав наши мысли, говорит:

— А вы не вешайте носа!

— Мы все равно поймаем!

— Я тоже так думаю.

И мы бежим к морковке. Раз дед Кузьма верит, значит, так и будет.

У последней яблони я команду:

— Взвод, стой!

Ребята пробежали было мимо, но вспомнили, с кем имеют дело, и собрались в кружок.

— Сегодня вечером сбор. На старом месте.

— Отец снова прогонит, — уныло протянул Славка.

— Прекратить разговоры, рядовой Дергачев!

— Есть... прекратить разговоры.

— То-то же. Выполняйте свои обязанности как ни в чем не бывало.

И все, в том числе и я, лейтенант Пальчиков, возмись до вечера с морковкой.

На этот раз мы учли предыдущую ошибку: замаскировали фуфайкой окошко бани.

— Итак, мы подходим к неприятелю с четырех сторон. Наш наблюдательный пункт — крайние яблони в первом и шестом ряду, сарай тетки Авдули и угол забора. Согласны?

— Не-ет, — говорит Славка.

Странно: чтобы Славка да возразил. Я уже хотел поставить его своим заместителем, а он...

— Почему не согласны, рядовой Дергачев?

— Мы... как это?., рассредоточим силы. А надо быть вместе.

— И правда, — поддерживает Олег. — Вдруг появится неприятель, и каждый будет действовать по-своему. Это партизанщина, а не боевой разведвзвод.

Я не вижу разницы между партизанщиной и боевым разведвзводом, но соглашаюсь. Для меня главное — быть со всеми и показать свои командирские способности.

— Итак, наш наблюдательный пункт — сарай тетки Авдули,— говорю я.— Выйдем, как только стемнеет.

— А какое оружие брать с собой?— спрашивает Олег.

Какое ж тут оружие? Если взять двустволку у отца, то задаст трепку, и мне, как командиру, будет стыдно перед ребятами.

— Булаву! — говорю тоном, не терпящим возражений. — Завтра приготовить оружие... Рядовой Лебедев, возьмите с собой веревку, чтобы связать вора.

— А как назовем операцию?

Я думаю целую минуту и говорю!

— Операция «РВ-1»

А вор действовал по-прежнему. Снова нахально сделал лаз в соломе. И хоть бы след какой оставил. А виноваты мы сами. Вокруг разбросана солома! какие могут быть следы...

Вечером хотели закрыть бурт, но председатель сказал, что этот бурт пойдет на продажу. Мы были рады: в нашем распоряжении еще одна ночь!

А что, если в эту ночь вор вдруг струсит и не придет?

ОПЕРАЦИЯ «РВ-1»

Вокруг густая темнота. Мы идем тихонько, потому что нас могут увидеть. Да и кто знает, откуда может появиться вор.

Ручей перепрыгиваем по одному. И тут случилось непредвиденное. Федя плохо рассчитал и шлепнулся в воду. Я как командир сразу же делаю вывод: разведзводовцы должны ежедневно тренироваться в прыжках в длину да, пожалуй, и в высоту...

Федя что-то бубнит под нос и наконец останавливается :

— У меня насморк...

Да, у него насморк. Но не срывать же операцию из-за этого.

— Рядовой Лебедев, не пищать!

Снова движемся. Темнота уже не кажется такой густой. В разрывах туч мигают далекие звезды, где-то там плывет очередной «Космос». А тут, на земле, мы — разведзводовцы — должны ловить какого-то вора. Ну и жизнь! Скорей бы стать взрослым, чтобы приняться за настоящее...

Еще раз останавливаемся, и я перечисляю обязанности каждого.

Невдалеке смутно чернеет, словно большой бурт, сарай тетки Авдули. Мы по одному, согнувшись, продвигаемся к углу. Хорошо, что и плетень туда ведет, и нас не так легко заметить.

Гулко стучит сердце. Страшновато, но никому не признаюсь, чтобы не испортить все дело... Бурт темным пятном расплывается вдаль, и не понять, есть там кто или никого нет.

Тишина необыкновенная. Будто все живое сто-

ворилось против нас и замерло. Лишь в другом конце деревни забрехала собака и тут же умолкла.

— Рядовой Лебедев, ко мне, — передаю шепотом по цепочке.

Федя дрожит. Это я почувствовал, когда положил руку на его плечо.

— По-пластунски вперед, в разведку.

— У меня насморк, — как о самом приятном напоминает он. — А если чихну?

Командир не отменяет приказ, но тут я заколебался. Мастерски налаженная операция могла провалиться.

— Разрешите мне, товарищ лейтенант, — говорит Олег.

Я улыбаюсь, но вместо бурного восторга сухо бросаю:

— Выполняйте, Звонцов!

Олег шагнул вперед и как сквозь землю провалился.

Проходит минута-вторая. Но вот в кустах за скрипел коростель, ему ответил другой. Не могли обождать, противные... А может, это лучше для разведки?

Олег появился внезапно. Мы невольно отшатнулись, но через мгновение обступили Звонцова.

— Там кто-то есть. И грызет морковку...

Это сообщение поражает нас: вор лакомится морковкой. Ну, постой же!.. А может, он не один и потому такой смелый?

— Точно слышал, что грызет?

— Ну вот еще, — обиженно шепчет Олег. — Стану я обманывать.

Да, Звонцов не станет обманывать, не такой он человек.

— Проверить оружие!

Каждый осматривает свою булаву, закрепляет ее ремешками на запястье, а Федя проверяет еще и петлю на веревке.

— Вперед!

Ползем по-пластунски. Земля еще теплая от солнца, а по спине все равно гуляет противный холодок. И мы еще больше прижимаемся к земле. Лицо царапает старая трава, руки то и дело скользят. Но — все внимание на бурт. А он растет и растет. Вдруг я замираю на месте. Человек! Он согнулся, видимо, выбирает морковку. И правда: хрупает, да так аппетитно...

Делаю знак рукой. Славка с Олегом заползают с противоположной стороны. Мы с Федей ползем прямо на вора. А тот и не догадывается, что происходит вокруг его.

До бурта шагов десять. Чувствую, что и Олег со Славкой уже отрезали пути отступления.

— В ат-таку-у! — заикнулся я.

Но оттуда уже раздалось «ура-а!», и мы с Федей мчимся к бурту.

А вор так испугался, что никак не разогнется. И даже заикается с перепугу:

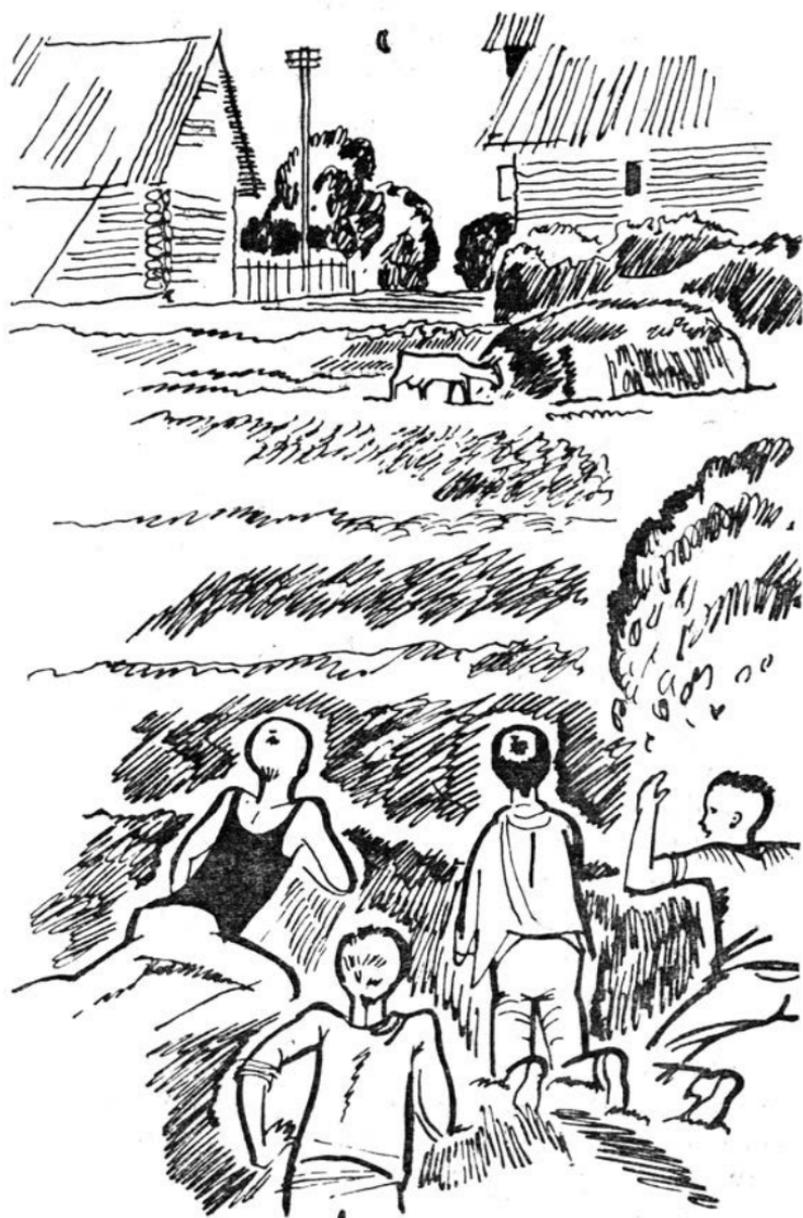
— Б-бе-э-э...

На бегу включаю фонарик и...

Авдулина рябая коза жмурится от яркого света, подмигивает нам желтыми глазами...

Так было вначале. Через минуту она, выставив косые, в зазубринах, рога, пошла на меня. Что мне было делать? Я, конечно, отступил, чтобы дать возможность ребятам броситься в наступление. Олег так и сделал, и вскоре коза была на веревке.

— Повели прямо в суд! — скалит щербатые зу-

бы Федя и почему-то уже не шмыгает носом. Видно, боевая операция подействовала...

— Замолчи ты! — Мне, как командиру, было не по себе от такого результата операции.

Козу хотели отвести в Авдулин двор. Но Олег Звонцов высказал гениальную мысль, и мы все обрадовались. Особенно я, потому что операция «РВ-1» выглядела совсем по-иному.

Рогатый вор упрямылся, мотал головою, старался боднуть Федю. Тогда мы сделали так: за один конец веревки взялся я, за второй — Федя. Когда коза бросалась на него, я натягивал свой конец, когда хотела поддеть меня на рога — Федя дергал за свой конец. И булавы нам пригодились: Славка с Олегом не давали вору топтаться на месте.

Председатель колхоза еще не спал. А когда мы заявили, что вор пойман, он снял очки и удивленно посмотрел на нас:

— Ну и молодцы! Не думал, что вы такие от-важные.

А как он хохотал, когда увидел козу! И посоветовал привязать козу у бурта — как вещественное доказательство.

МЫ СНОВА ССОРИМСЯ

Случай с козой всех нас как-то сблизил. Даже Федя забыл, что я когда-то защищал Микиту Силивонца и Наташку. Мы все в это время жили одним: как смыть наговор.

Но вот снова потянулись обычные школьные дни, и все полетело вверх тормашками. А началось из-за Феде. Нет, вернее из-за меня... Хотя — кто его знает, из-за кого.

Не любит Федя Лебедев русский язык. Учитывать — не его забота. Вот переписать готовенькое — пожалуйста. Конечно, если бы не ставили двоек да потом не пропесочивали на совете отряда, Федя и не переписывал бы. Но Иван Макарович двойки ставит безжалостно, а за двойки пионерский актив прорабатывает как следует. Но и это не все: тот же самый Иван Макарович обязательно еще и отцу Фединому нажалуется. А потом каждому понятно, что будет. Поневоле надо тянуться нашему Феде.

Вот поэтому он каждый день говорит мне:

— Дай переписать.

Ну и перепишет. Откровенно говоря, мне, как командиру разведзвода, неудобно. Да что поделаешь : дружба.

На диктантах, правда, он действует по-своему. Ну, вполне самостоятельно. Надо, к примеру, написать слово «заяц», а он пишет — «зайка». Потому что не знает, что писать — «я», «е» или «и». А если не может придумать замены, то просто опускает трудное слово. Пропуск — не грубая ошибка.

Я уговаривал его, ругал, даже грозился, что разоблачу, а он свое:

— Дай переписать.

Сегодня я тоже дал ему свою тетрадку. Он переписал и сидит себе этаким примерньким учеником.

— Лебедев, к доске! — Иван Макарович шурится и по всем карманам ищет очки. — Посмотрим, как ты сегодня подготовился.

Федя заговорщицки подмигивает мне и поднимается с места.

— Упражнение 576. Надо вставить пропущен-

тые буквы, — к началу читать с чувством, с интонацией: «У нас каждый трудится и должен трудиться. Мы пришли в школу учиться, и каждый старательно учится...»

— Постой, постой, — недоумевает старый учитель. — Какую часть речи мы изучаем?

Федя — весь внимание, чтобы услышать, что я подскажу.

— Глагол, — наконец повторяет за мной.

В классе засмеялись.

— Глагол, говоришь? — Иван Макарович очень близко подходит к Феде, а поэтому снимает очки. — Ну хорошо. Расскажи о правописании безударных личных окончаний глагола.

Федя тайком моргает мне, угрожающе хмурится, сжимает кулак. А что я могу сделать? Я о таком еще и сам не слышал никогда. Мы только начали имя прилагательное. А я, чтобы проучить Феде, специально выполнил это упражнение. Специально даже вызубрил параграф... Я отворачиваюсь. А в классе шум, хохот.

Сухощавое лицо Ивана Макаровича покраснело.

— Снова разыгрывать? Ну, это в последний раз! — Он хватает со стола журнал и быстро выходит из класса.

Федя стоит сам не свой, морщит лоб, хлопает глазами и никак не может понять, что все-таки произошло.

И вдруг он шагнул ко мне.

— Дай тетрадь!

Молча сую злополучную тетрадку.

— Хлопцы, какое упражнение на дом?

— Триста девяносто первое!

Та-ак! Сам выполнил, а мне другое подсу-

нул? — Он безжалостно мнет тетрадку и швыряет мне прямо в лицо. — Предатель!

Я сжимаю кулаки, бросаюсь к нему. И попадаю... прямо в Олеговы объятия. А Славка уже держит Федю, который тоже рвется ко мне.

Я все-таки вырвался бы из Олеговых рук и показал бы Феде, где раки зимуют, но в класс вошел директор.

Что мне было делать? И я рассказал, как задумал проучить Федю.

Снова смеялись шестиклассники, смеялся и директор.

Только Федя молчал. Ни слова не сказал. Будто онемел.

— Ну, я вижу, — сказал директор, — тут все ясно и понятно. А вы сами на совете отряда обсудите, как помочь Лебедеву. Вам виднее все-таки...

А совет отряда решил просто: раз я, Пальчиков, подвел друга, значит, мне и шефствовать над Лебедевым.

— Зачем мне предатель! — отрезал Федя.

С ним никто и не собирался спорить. Не до него было. Совет отряда беспокоился о сборе металлолома. Наш класс меньше всех собрал. И поэтому приняли еще одно решение — ответственный за это мероприятие Лебедев.

— Ну и помогли вы мне! — Федя в сердцах нахлобучил кепку. — Большое спасибо!

— А нечего с тобой церемониться, — сказала Лина Говорюхина. — Каждый отстающий в учебе обязан участвовать в общественной жизни.

Конечно, наша Лина права. Только от этого не легче ни мне, ни Феде.

Федя упрямо отмалчивался, когда я приходил

помочь. Зайду к нему, а он отвернется и молчит. Ну и черт с ним! Не мне двойки.

Но вот что удивительно. Иван Макарович каждый день его вызывал, и Федя каждый раз отвечал. Отвечал на тройки, значит, все же знал...

Хуже было с металлоломом. Наш отряд по-прежнему сидел в калоше. Даже четвертый класс нас, шестиклассников, обогнал.

СНОВА МИКИТА СИЛИВОНЕЦ

И я решил тайно помочь Феде.

— Ребята, — сказал я своим хлопцам, — рядовой Лебедев попал в беду. Мы — однозводовцы, и помочь товарищу — наш долг.

Ну, сказал точно так, как сказала бы Лина Говорюхина.

— Да что ты нам мораль читаешь! — отозвался вдруг самый тихий из нас Олег.

— Рядовой Звонцов. Когда командир говорит, остальные слушают.

— Ну вот, опять...

— Раз надо помочь — поможем, — попросту согласился Славка. — Что тут долго говорить.

Я и сам бы не стал долго говорить. Но за язык так и тянет. Понимаете, если ты начальник, то тебе хочется прочесть мораль. Будто ты один знаешь, а все никогда об этом и не слышали. Я давно уже примечаю это. Был хлопец как хлопец, а выберут хотя бы звеньевым — и начинает, вроде учителя, читать наставления... Думаю, что и вы замечали это же самое. И почему такое бывает?..

— За дело, хлопцы!

Да, дало у нас вовсе ко спорилось. Все закоулки облазили, исходили все обочины дорог. А собрали... двадцать один килограмм. Курам на смех!

И тут я с горя решил пойти к Миките Силивонцу. Ребята отговаривали:

— Не даст! Чтобы такой жмот дал?

— Да еще припомнит «полицая». Ну, как мы его дразнили.

Я же думал иначе.

Наташа ходила в наш садик? Ходила. Хоть немного, а все-таки...

Кто спас Микиту, ну, тогда в люпине? Ну, если не жизнь спас, то спас от увечья. Опять — я...

Ну и что, если из-за Наташки он был пьян? Главное, что несчастья не случилось!

И вот мы втроем бежим на выгон.

— Ух! — первым останавливается Славка. — Я запыхался...

Мы тоже переходим на шаг. Но чем ближе кузница, тем короче наши шаги. Мне уже расхотелось идти туда. Но и возвращаться стыдно: засмеют хлопцы.

— Гляди, с полным!

От Микитова колодца через улицу с ведром воды идет старый Антип. И хотя я не верю ни в какие приметы, да и сам Олег не верит, а все-таки шагаем веселей.

Наковальня звонко поет в осенние дни. Кажется, ее можно услышать за километр. Ну, а сегодня за сто метров она прямо-таки глушит нас. Значит, не в духе Силивонец.

Первым в черную дыру кузни заглядываю я. Толстый железный прут раскален добела. Микита молотком плещет его, потом плоский конец загиба-

ет под прямым углом. Все это он делает ритмично, будто машина.

Увидев меня, Микита еще раз ударил по пруту и сунул его в железную бочку. Вода свистнула, будто не хотела ссориться с железом, а потом все-таки заворчала, зашипела.

— Здорово! — похвалил я кузнеца.

— Чего?

— Здорово, говорю, куете!

— Чего пришли сюда? — спросил он, вытирая руки о фартук.

— Да нам, Микит Яковлич, — начал я глотать слоги. — Металлолома...

Его хмурый взгляд переходит то на Славку, то на Олега. И снова упирается в меня.

— Для вас нету у меня металлолома, — сказал Микита и взял новый прут. Измерил его линейкой, почему-то качнул головой и сунул в горн. А правая рука уже схватила коромысло кузнечного меха. Над горном взлетело несколько искр. А через минуту уже целый рой золотистых искринок вился в кузнице. Даже лицо Микиты посветлело.

— Так мы же Наташку глядели, — пришел мне на помощь Славка.

— А Ленька Пальчиков вас в люпине... — добавил Олег.

Вот этого, видно, не следовало бы говорить. Правая рука вдруг замерла, соскользнула с коромысла, и оно поплыло куда-то к стене. Кузнечный мех тяжело вздохнул и затих. Искры уже не взлетали над горном. А те, что вились, быстро гасли. В кузнице потемнело. Потемнело и лицо Микиты Силивонца.

— Вон, сопляки! — глухо донеслось из темноты.

Мы не побежали, как бывало, а молча поплелись на дорогу. Старались не смотреть друг другу в глаза. Смотрели под ноги. Потому ни разу и не споткнулись, хотя возле кузницы Микиты Силивонца валялось много ржавых обрубков железа.

Мы молчали. Было почему-то стыдно и вместе с тем обидно.

Молчала и наковальня. Долго молчала. А потом снова посыпались звонкие и глухие удары.

— Вот тебе и е полным,— тихо промолвил Славка.

Олег не ответил. Да и Славка больше не сказал ни слова. И я тоже промолчал.

ОПЕРАЦИЯ «РВ-2»

Феди нет дома. Это и лучше. Без него начинали — без него и кончим.

— Хлопцы, надо отомстить «полицая», — говорю я.

— А как ты отомстишь? — вяло отзывается Олег.

— А-а, — махнул рукою Славка — что связываться с таким...

— Да вы что, трусили?

— Тоже скажет! Да мы хоть в огонь, хоть в воду.

— Вот-вот. Именно в воду. — Я многозначительно замолкаю.

И хлопцы молчат. Видно, они не поняли моего намека. Вообще-то Славка с Олегом тугодумы. Федя быстрее бы догадался...

Да ну его, этого Федю! Раз не хочет принять

мою помощь по русскому, без него и тут обойдусь. Кстати, это будет для него сюрпризом. Да, да. Он же терпеть не может Микиту-полицая.

— Взвод, слушай боевой приказ! Сегодня в двадцать два ноль-ноль всем быть на сборном.

Пояснять, где сборный пункт, не надо. Все знают: баня. Пояснять пришлось другое...

Ночь тихая, светлая. Не везет... Но не отменять же боевую операцию из-за какой-то недогадливой луны!

Хотя операция и боевая, а мы без оружия. Оружие мы возьмем у противника. Это уже решено. Правда, были споры. Олег отказывался участвовать в операции. Да и Славка колебался. Но для того я и командир, чтобы меня слушались.

Огородами мы крадемся на выгон. В руках — корзинки. И больше ничего. А луна, будто нарочно, стала среди неба и светит во всю свою лунную мощь. Что ей, луне, до операции «РВ-2»?

Чуть было не выдал нас Федин Жучок. Он залаял и бросился прямо к нам. Но в это время раздался свист Феде. Жучок, недовольно повизгивая, побежал во двор. Хорошо, что Федя не подался сюда. Пришлось бы объяснять ему операцию. А согласился бы? Он в последнее время вовсе перестал подчиняться мне как командиру разведвзвода. И я уже думаю обсудить поведение рядового Лебедева.

И только я подумал об этом, как Жучок опять бросился к нам. Снова залаял. Но я тихонько окликнул его. Он подбежал, лизнул прямо в щеку.

Мы поднялись и, пригибаясь, побежали к кузнице. Жучок увязался за нами. Пришлось запустить палкой. Он взвизгнул, обиженно заскулил.

И все-таки неплохо, что ночь лунная. Каждый

кусок железа как на ладони. Мы осторожно складываем железяки в корзинки.

— Рядовой Дергачев! — шепчу на ухо Славке. — Почему лемех не берешь?

— Да он же новый, — возражает Славка.

— Ну и что с того? Выполняй приказание командира!

— Есть, — вяло отзывается Славка и осторожно, беззвучно кладет в корзину лемех.

Снова прибежал Жучок. Вот назола! То вертит под ногами, то за кузницу забежит.

— Пошли, хлопцы.

Легко дать команду. А попробуй тащить корзину железных обрезков! Хорошо, что я взял меньшую. Вот Олегу труднее приходится. Но он, как всегда, тихонько, без слов делает дело. Только сопит наш Олег Звонцов. Ну и фамилия — противоположная характеру...

Тихо в деревне — деревня спит. Рано у нас ложатся спать, когда наступает время уборки картошки. Некоторые даже свет не зажигают... Темными провалами со стороны улицы чернеют окна и в хате Микиты Силивонца.

Хорошо, что он не держит собаки, а то бы она подняла вой. Мы осторожно крадемся в тени забора. Вот и колодец. Я заглянул в него: из темноты пахнуло сыростью.

— Взвод, подготовиться! — передаю шепотом команду Славке, тот — Олегу.

Я достаю обрубок железа из корзинки. Он холодный, тяжелый и почему-то скользкий. Приподнимаю руку над срубом...

— Получай, жадина-полицай!

Звучный плеск воды нарушает ночную тишину.

Плохо: может услышать Силивонец. А что, если вытряхнуть всю корзину?

С трудом приподнимаю свой груз на старый сруб, чуть наклоняю. В колодце раздается целый гром. Звенят, ударяясь друг о друга, железяки, бухают всплески. От страха мы присели за сруб колодца, замерли.

Снова тишина. Только, повизгивая, опять бежит к нам Жучок. Подбежал и тут же, к моей радости, бросился назад, за угол забора.

И вдруг оттуда выскакивает человек. Это был Федя.

— Хороши друзья! — громко говорит он. — Так вот почему наш отряд так много собирает металлолома!

— Тш-ш! — грозно предупреждаю я.

Но Федя не подчиняется.

— Вам-то что, вы не отвечаете за металлолом.

— Да замолчи ты! — Славка силой пригибает Федю к земле, а мы подползаем к нему. — Понимаешь, Микита днем не дал нам этих железяк. Так мы их в колодец бросим...

Федя протянул руку к Олеговой корзине.

— Ого-о, да тут же килограммов двадцать!

— Звонцов, — вмешиваюсь я, — выполняй операцию!

Олег оглядывается, приподнимается и молча идет к колодцу.

Гроном гремит — ухает железо и вода.

— Да вы с ума сошли! Что вы делаете?! — Федя вскочил на ноги. — Дядька Микита! Дядька-а...

Я бросаюсь на Федю, зажимаю рот. Он выкручивается, норовит укусить меня за руку. Подбегает Славка, и мы вдвоем валим его на землю. В тот

же момент я срываю Славкину кепку, прикрываю рот Феде.

— Рядовой Дергачев, — приказываю я, — охранять предателя!

Федя все еще пробует вырваться, но Славка прочно уселся на нем. Так и надо: раз захотел предать, пусть пеняет сам на себя. Ишь ты, Микиты-полицая ему жалко. А может, не Микиты? Он всегда ненавидел его и даже внучку ненавидел. Жалко ему этих железяк, которые бросаем в колодец. Да мы, если возьмемся как следует, целую гору такого добра раздобудем...

Кепка, видно, чуть сползла с его рта, и он приглушенно шепчет:

— Колодец испортите. Не одного его колодец. Дед Антип воду берет.

Чудак-человек этот Федя. Будто мы не думали об этом. Да мы же специально пришли испортить колодец. Ну, насолить Миките-полицая. И про деда Антипа думали. Будем помогать ему. По-тимуrowsки помогать: воду таскать из другого колодца. А то мы в последнее время не разведзвод, а черт знает что. Ничего не делаем.

Я не отвечаю Лебедеву. О чем говорить с предателем? Мы начинаем второй этап операции «РВ-2». Вместе с Олегом срываем плашки сруба и бросаем их в черную дыру колодца. Гулко ухают плашки.

— Дядька Микита! — вдруг взвыл Федя и выскользнул из-под Славки. — Дядька-а!

Я опять бегу к нему. Сами собой сжимаются кулаки. Сейчас так влеплю! Но проклятый Жучок хватает меня за штаны, и я падаю. А собака черным клубком подкатывается к Славке.

— Что случилось? — Белый, как статуя, в воротах появляется сам Микита Силивонед. — Чего орешь?

Мы бросаемся врассыпную. Я споткнулся и упал. По-пластунски скользнул в тень забора. И во время.

Как раз в ту же минуту вспыхнули окна в доме Микиты.

И я увидел Федю. Наш предатель остался там же, у колодца. Микита держит его за плечо. А может, тормозит, чтобы узнать, в чем дело. Но Сапун и тут остается Сапуном — ничего больше не спрашивает.

Федя тоже молчит. Стоит тебе! Хотел Микиту — получил...

Наконец Микита увидел колодец. Вернее, то, что осталось от наземного сруба.

— Ты, сопляк? — изо всей силы тряхнул он Федю за плечо.

Федя молчит.

— Ты разрушил колодец?

И тут я даже не поверил своим ушам:

— Я... разрушил. Я! За металлолом!

Силивонец минуту молчал.

— Вот оно что! — Он с силой толкнул Федю к колодцу.

Сейчас утопит. Утопит ни за что ни про что. Предал же партизанский лагерь. Что ему какой-то Федя Лебедев?

— Стойте! — крикнул я. — Это не он сделал!

Микита вздрогнул, обернулся и опустил руку.

— Ага-а, — протяжно прохрипел он. — Хорошо-о!

Я будто не своими ногами ковыляю к нему. Но-

ет ушибленное коленко. Но я изо всех сил стараюсь держаться прямо.

— Это я сделал.

— Зачем?

— За металлолом! — говорю очень громко, почти кричу. — Мы к вам по-доброму, а вы...

— Та-ак... Мстите, значит...

— Нет, — сказал я твердо. — Выполняем операцию «РВ-2».

— Операцию?! — Он вдруг понурил голову, потом часто закивал косматой головой. — Хороша операция.

И ушел, чуть сутулый, в одном белье. А мы еще с минуту стояли и не верили, что он ушел...

Славка с Олегом сидели на нашей лавочке.

— Ох и трусы! — смеется Славка. — Видно, в лес от Микиты драпанули. А мы — сразу на огородах.

— Микита поймал, — проямлил я.

— Поймал?! — хлопцы аж подскочили на лавочке. — А что теперь будет?

Никто из нас не знал, что будет завтра...

НА ДНЕ СТАРОГО КОЛОДЦА

Хоть ты в школу не иди. Заболеть бы дня на три. Бывают же такие счастливики, что болеют. А то опять будет шум. А что шум будет и не малый, я не сомневался. Сначала позовут к директору. Михаил Михайлович не любит читать нотаций. Скажет: «А ну-ка сам подумай. Не носи зря голову на плечах».

Попасть к директору — это полбеды. Беда, что в

его кабинет надо идти через учительскую. И тогда за тобой войдет Иван Макарович. Ну, я провинился, и понятно, почему я в директорском кабинете. А вот Ивана Макаровича никак не пойму. Он меньше всего будет говорить о сегодняшнем проступке. Он с математической точностью припомнит все твои давние грехи. Ну, которые ты совершил на уроках языка и литературы. И выйдет, что ты самый распоследний негодяй.

Да, было все. И были все. Будто сговорились. Упреки сыпались на нас всех, четверых. Да, на четверых, хоть я и сказал, что Федор Лебедев не давал нам этого делать. Но у Ивана Макаровича так много было фактов против Лебедева, что на мой протест никто не обратил внимания. Правда, директор хотел было отпустить Федю, но Иван Макарович был другого мнения.

Но самое обидное было на большой переменке. Нашу фотографию со школьной стенной газеты сняли и на том месте поместили фельетон. Фельетон назывался «Новый способ добычи лома». Фотография была ерундовая. Мы вчетвером силились улыбнуться и никак не могли. А как ты будешь улыбаться, если тебе говорят: «Вспомните что-либо веселенькое?» Веселенькое-то вспомнилось, да на тебя пристально смотрит одноглазый циклоп — объектив... До слез обидно, что вся работа первого разведзвода зачеркивалась фельетоном. Обидно не только мне, как командиру, а и всем рядовым. Что мы разведзвод, никто, конечно, не знает. Знаем только мы вчетвером. Да еще дед Кузьма. Хорошо, что он посоветовал не выходить из подполья. А то бы еще склоняли и как разведзводовцев...

И вот уже нет теперь ни крыши тетки Аксины,

ни детсадика, ни даже Авдулиной козы. Есть фельетон. На целую колонку...

Фельетон мы так и не прочли. Нас после двух уроков сразу же отправили чистить колодец. Сказать об этом родителям, ну, и с ними чистить... Мы видели у газеты только галдящую толпу.

Конечно, мы домой не пошли, а направились к деду Кузьме. Он ухмыльнулся в усы, затем нахмурился, а потом захохотал. От его хохота стало не то что весело. Нам показалось, что вовсе не над нами смеется дед Кузьма. Нет, и над нами тоже. Только чуть-чуть. И все-таки добрый у него смех! не обидный для меня, как командира. Да и для рядовых не обидный. Потому что Славка, Олег и Федя тоже повеселели...

И вот мы ведрами таскаем из колодца воду. По канавке, прорытой от колодца, она стекает в придорожную канаву. Целый ручей побежал к выгону, мимо кузни. А дна не видно...

Подходит и дед Антип. Его позвал дед Кузьма, чтобы быстрее было, чтобы не звать наших, а то без трепки не обойдется... Из-под шапки-ушанки торчат седые волосы Антипа. Зимнюю шапку он носит не только осенью, но и летом. Антип — ночной сторож на бригадном дворе, поэтому он потеплее одевается, поэтому по привычке и днем не сбрасывает шапку-ушанку.

Теперь легче работать. Мы уже таскаем только по десять ведер. Наши деды — по двадцать. Я решительно возражаю. Поровну надо. Дед Антип улыбается :

— У вас, хлопчики, все впереди. Успеете еще жилы натрудить.

Вообще-то дед Антип — разговорчивый старик.

Бубнит себе и бубнит да время от времени, будто для отдыха, заливается смехом. А видно, силы не те, что у деда Кузьмы. Запыхался, даже шапку снял и вытирает ею розовую макушку. Вытирает он пот и хихикает:

— Это же хорошо вы додумались! Колодец-то, считай, как построили перед самой войной, так и стоит, ни разу не чищенный. Заплыл колодец. Вода стала припахивать, особенно весной. Говорил Миките: давай, человек, почистим. Да разве с Сапуном стоворишься... Хорошо, что вы железяк набросали в наш колодец... Да и сруб надо было починить. Подался сруб сверху. А в земле — что звон. До-обрый дуб попался! Помнишь, Кузьма, как дуб валили? У кого это мы брали пилу?

— У Мартина покойного, — отзывается дед Кузьма. — Такой пилы теперь во всем свете не найдешь...

— До-обрая пила! Три аршина! Немцы, паразиты, забрали. И на что она им сдалась, скажи на милость? У них таких дубов нет. — Потом вздыхает: — Да и нам такая пила теперича ни к чему. Порезали лес на корню, поглумили. Дубцы растут, а не деревья. Да и тех мало...

Уже царапает ведро по нашим железякам. И как раз в это время подходит сюда Микита. Паразит, никогда не чистил колодец, отлынивал, а нам чисти... Микита, как всегда, хмурый. В руках у него веревка. Молча прилаживает ее на конец колодезного журавля. Не там, где ведро, а с другой стороны.

Дед Кузьма надевает фуфайку, становится в ведро, и мы тихонько опускаем его в колодец. И снова таскаем мы полные ведра мутно-рыжей воды.

А затем и наши железяки появляются из глубины колодца.

Микита все время молчит. Но когда увидел почти новый лемех, проворчал:

— Ишь, сопляки! Взять бы да по мягкому месту этим лемехом...

Он угрожающе глядит на нас. И все еще держит в больших черных руках поблескивающий лемех. Дед Кузьма в колодце — кто защитит?

Выручает Антип:

— Пособи, Яковлич.

Микита швыряет к самому забору злополучный лемех, берется за шест. Легко перебирают отполированный шест его бугристые руки.

Шмякает мокрый песок из ведра, и снова скрипит колодезный журавель. Ноют руки, болит спина. Горят ладони, будто не за веревку хватаемся, а за угли.

— Эге-эй! Хлопцы! — гремит из колодца голос деда Кузьмы. — Звезды вижу! Звезды!

Мы не верим. Как это: звезды — днем? Дед горячится, что-то доказывает. Слов не разобрать: сплошное «бу-бу-бу» несется из колодца.

— Полезай! Сюда полезай!

— Еще что? — отзывается Микита. — Мало, что железяками запачкали, так и самих туда?

— Ты скажи спасибо, Яковлич, — зашелся в мелком смехе Антип. — Хоть колодец почистим...

— Добрячий колодец, на добрячем месте.

— Полезай! — снова гремит из колодца.

И вот мы лезем за звездами. Вернее, нас спускают на дно, по очереди.

В сером четырехугольнике сруба видно мутное небо. Будто слегка кто-то затушевал его черным ка-

рандашом. И на нем — звезды. Да-да, звезды! Дневные звезды!

— Да вы с ума посходили, что ли? — ворчит Микита Силивонец. — Посмеяться хотите?

— Полезай, Яковлич, а? — подзадоривает Антип. — Хотя тебе — слабо. Трус ты, Яковлич.

Микита вдруг глубоко насунул кепку. Уже занес одну ногу в ведро. Оглянулся, долго смотрел на нас.

— Ты прав, Антип: боюсь. Разве они, — показал он на нас, — вытянут?

— Ого-о! — засмеялся дед Антип. — Эти хлопцы, человеке, быка вытянут! — А потом добавил: — Да и я пособлю ж...

— Смотри-ка, елки-моталки! — глухо доносится Микитов голос. — Звезды! Чего не ждал, того не ждал.

Но никто из нас не ждал, что будет через полчаса.

А вышла необыкновенная история.

Дед Кузьма уже добрался до самого дна колодца и крикнул:

— Последнее! Скорей тащите ведро! Замерзаю!

Последнее ведро было, как и прежние: песок да рыжая вода. Ну, может было больше в нем воды. Потому что вода быстро прибывала.

Я торопливо выплеснул воду, а Федя начал двумя руками выскребать осевший песок. Под клетчатой, уже порядком запачканной рубашкой ходуном ходили острые лопатки. Федя сегодня был угрюм, вроде Микиты, молчалив. Конечно, было из-за чего. Уже третий час работали без передышки. Вдруг острые лопатки нашего Феде замерли.

— Шевелись же ты, а то дед замерзнет, — сказал

я, и не только из-за деда. Тяжело долго держать на весу скользкий шест с ведром.

— Погляди-ка! — проговорил Федя.

В руках он держал какой-то черный предмет. Вроде наконечника от авторучки, только граненый да толще.

— Брось! — крикнул Микита и вмиг побледнел. — Взорвется!

Федя выронил этот черный предмет, и он шлепнулся в грязь. Мне показалось, что грохнул взрыв. Я выпустил ведро, схватился за голову. А Микита в то же мгновение схватил Федю, заслонил его собой.

Через минуту мы уже хохотали. Правда, не очень дружным был смех. Не очень-то посмеешься, когда и руки дрожат, и спину будто кто-то иголками колет.

— Вот черт, — оправдывался Микита. — Думал, немецкая «игрушка». Во время войны немцы бросали такие. Возьмет ребяенок и...

Я тоже читал о таких игрушках. Какие все-таки подлые были немцы! Сказано-то: фашисты.

— Эге-эй! Ведро давай! — снова загремел дед Кузьма.

Мы вытащили его из колодца мокрого, испачканного грязью. Даже борода была заляпана песком.

— Ух ты! — жмурится дед Кузьма. — Как из того света.

— А мы тут без тебя на том свете побывали, — начал Антип. — Думали, взорвется.

— Вот что нашли. — Олег уже держал эту граненую черную палочку.

Дед Кузьма, увидев находку, воскликнул:

— Смотри-ка, почтальон!

И он рассказал нам, что такое солдатский «почтальон». В небольшую эбонитовую трубочку кла-

дут полоску бумаги. На ней — фамилия солдата, адрес семьи. Потом плотно завинчивают колпачок... Убьют солдата или тяжело ранят, и «почтальон» скажет, кого ранило или куда и кому следует отправлять недобрую весть...

Колпачок не отвинчивался.

— Дай-ка я.

Микита крутнул в своих прокопченных пальцах трубочку. Колпачок хрустнул, и мы чуть не стукнулись лбами, так хотелось посмотреть, что там,

В «почтальоне» находился пожелтевший сверточек бумаги. Мы осторожно вынули его.

Видно, руки дрожали, а может, бумага такая. Первый лоскуток раскрошился, а сверточек никак не развернуть.

Зашли в Микитов дом. И хоть я первый раз был здесь, а так и не запомнил тогда, что там, внутри дома...

Осторожно развернули на столе бумажную полоску. И я, будто первоклассник, прочел по слогам: «Пальчиков Иван Максимович, г. р. 1895». Дальше был адрес. Я читал и не верил, что это «почтальон» моего деда.

— Царство ему небесное,— перекрестился дед Антип. — Добрый был человек...

Мы сняли шапки. Я бережно взял желтый листок... И будто только сейчас понял, что мой дедушка умер...

— Смотрите, — выдохнул Славка, — еще что-то написано!

На обратной стороне, будто ржавчиной, бледно нацарапано: «Микита Силивонец не предатель. Нас предал Юрас Ник...» Буквы обрывались — конец слова как раз приходился на тот лоскуток, который

раскрошился. Трудно было прочесть! не то «Ник...», не то «Пик...», не то «Пин...»

Я оглянулся, хотел спросить у Феде. Но Федя уже бежал сюда почему-то с кружкой. И тут только я заметил Микиту Силивонца. Он сидел на лавке, голова неестественно запрокинута назад. Дед Кузьма старается поправить голову, а она снова запрокидывается, черная, лохматая.

— Антип, помоги...

Они вдвоем положили его на широкий топчан. Когда дед Кузьма стал расстегивать пуговицы Микитовой рубашки, его руки дрожали. Пуговицы не поддавались. Тогда он рванул рубашку и разорвал ее до самого пояса.

— Ведро неси... — крикнул он Феде, а сам уже из кружки смачивал волосатую грудь кузнеца.

Почти полное ведро вылили на Микиту, пока он пришел в себя. Он судорожно мигнул черными глазами раз, второй. Потом очень часто замигал, будто соринка попала в глаз. И лицо постепенно принимало свое прежнее выражение.

— Вот и хорошо, — бойко проговорил дед Кузьма. — Теперь глотни-ка разок.

Мелко застучали прокуренные зубы Микиты Силивонца о край зеленой кружки. Вода расплескивалась, текла на морщинистую шею.

— Хлопцы... это правда? Или приснилось?

Глаза у Микиты стали страшными. Такие я видел только в кино.

— Правда! Вот чудак-человек. Да я всегда тебе верил, Яковлич. Вот крест, верил, — и дед Кузьма снова перекрестился.

Большие навывкате глаза Микиты вдруг метнулись в сторону, остановились на нас. Стало жутко.

— А люди? — Он даже не раскрыл рта, будто простонал.

— Что — люди?.. Всякие бывают люди, — дед Кузьма тоже взглянул на нас и глазами указал на дверь.

ВЕРИТЬ ИЛИ НЕ ВЕРИТЬ?

И пошла по деревне весть: Микита не предатель. Предатель — Юрас. А кто такой Юрас, никто не знал. Не было Юрасов в Осиновке. Деревня шумела, как улей деда Кузьмы, когда рой высыпает.

Но странно одно. Чем больше говорили, тем больше не верили. Хитрый, мол, старый Микита Сапун. Сопел-сопел, думал-думал и додумался. Знал, что хлопцы колодец будут чистить, вот и бросил туда «почтальона»...

Но откуда у него «почтальон» моего деда? Может, и правду говорят люди: каратели специально отдали. Ну, он и придумал: написал кровью. Но чья кровь? Когда написал?

Наш Михаил Михайлович уехал в Минск, в какую-то лабораторию. Там должны определить, когда была сделана запись.

Ну, а мы ходили вовсе не героями. И Микита Силивонец стал сам не свой. Вовсе замолчал. Не слышно звона наковальни, не вздыхает кузнечный мех. Микита не выходил из дому. Говорят, заболел. Лида его даже фельдшера вызывала.

Неожиданно для нас Иван Макарович развил бурную деятельность. Просто не верится, что это — наш учитель языка и литературы. Оказывается, и он был в партизанах. Да не простым партизаном, а командиром диверсионного взвода!

И сегодня на уроке он рассказывал о партизанах. О том, как они поезда подрывали, как громили фашистов. Правда, о себе мало рассказывал. Все о хлопцах. Он так и говорит: «наши хлопцы». О Миките тоже рассказывал. Храбрый был Микита. И на выдумку горазд.

Однажды вот что придумал. Был в районе начальник полиции, Марченко по фамилии. Очень уж он выслуживался перед немцами. И тогда на железнодорожном переезде партизаны оставили письмо:

«Здравствуй, многоуважаемый друг
и товарищ Марченко!

Сообщаю, что мы все живы, чего и тебе тоже желаем. Одновременно сообщая о незабываемой утрате боевого друга Володи, который погиб от рук фашистов. Прошу тебя сообщить нам фамилию предателя, который донес немцам, что мы вечером заходим в поселок Муравей. Ну, конечно, прими там нужные меры. К ногтю предателя!

А вот задание штаба. Как можно скорее составь план райцентра, укажи укрепления, численность фашистов, не забудь о секретных постах. Еще нам нужны батареи или аккумулятор к радию и приемнику. Еще одно: передай Шеверневу, чтобы он доставил мне станковый пулемет. Его я сам отремонтирую. И пусть он передаст давно обещанный немецкий автомат.

С тов. приветом — Микита Силивонец».

На этом переезде партизаны дали бой. И потом, будто в спешке, отступили. Одна телега с убитой лошастью осталась прямо на рельсах. На телеге лежало три вещмешка. В одном было вот это письмо.

Почерк Микиты знали в полиции. Он ведь там служил. Микиту знал и начальник полиции Мар-

ченко, и бургомистр Шевернев. И Марченко, и Шевернева немцы расстреляли, потому что факты совпали. Микита мог починить пулемет. На поселке Муравей по доносу предателя был убит партизан...

— Молодец, Микита! — шепчу я Феде.

Тот криво усмехается:

— Практику имеет. Руку набил,

Я недоумеваю.

— Не понял? Раз сделал — получилось. Вот он еще раз такое же написал, — глаза у Феде колючие. — Только нас не проведешь. Мы не маленькие!

Я молчу. Страшные догадки роятся в голове. А что, если правда. Тогда обманул немцев: ну, старался спасти свою шкуру. Предал, значит, бывших своих начальников. Но только-только полицейский Силивонец переметнулся к партизанам и уже пишет письмо своему начальству. Партизаны тоже довольны: предатели народа казнены самими же фашистами! А больше всех доволен Микита Силивонец. Теперь-то его никто не упрекнет.

Потом, когда Микита попался в лапы немцев во время разведки, то, чтобы спасти свою шкуру, он показывает место лагеря семей партизан. И, конечно же, по нему стреляют, а он цел и невредим удирает из-под расстрела. Деда моего расстреляли, а Микита удрал...

Да, Микита предатель! И как я, дурак, этого не заметил?

Я так и говорю. Без позволения вскакиваю с места и кричу на весь класс! В классе будто никого нет. Будто все оцепенели. Один Иван Макарович то нацепит очки, то снимет их и щурится близоруко.

— А я не верю, — глухо, будто за стенкой, говорит учитель.

— А я верю! — громко говорит Федя Лебедев.

И тогда класс ожил. Каждый кричит свое. Да — нет, верит — не верит.

Напрасно пробовал успокоить нас Иван Макарович. Потом он вдруг тяжело опустился на стул, обхватив руками голову. Так и сидел, не поднимая глаз. И когда в классе стало совсем тихо, проговорил, тоже будто из-за стенки!

— Микита сделать этого не мог. Не такой он. Микита Силивонец лез в самый огонь, в самое пекло... А предатель дрожит за свою шкуру.

Давно уже прозвенел звонок, а мы все спорим.

— А чего нам спорить? — сказал Олег. — Надо разведать. На то мы и раз...

Я вовремя закрыл ему рот. Олег Звонцов чуть не выдал нашу тайну. Хотя он и не болтливый хлопец, а...

— Вот это правильно! — воскликнул Иван Макарович. — Надо разведать!

Так и стали мы — уже в открытую — называться первым разведзводом. Конечно же, меня — Ленку Пальчикова — выбрали командиром. Никто мне не присваивал нового звания. По привычке наши хлопцы звали меня лейтенантом. Откровенно говоря, я немного недоволен. Разведывать о партизанах — это совсем не то, что крышу крыть, играть с малышами или поймать козу возле морковного бурта.

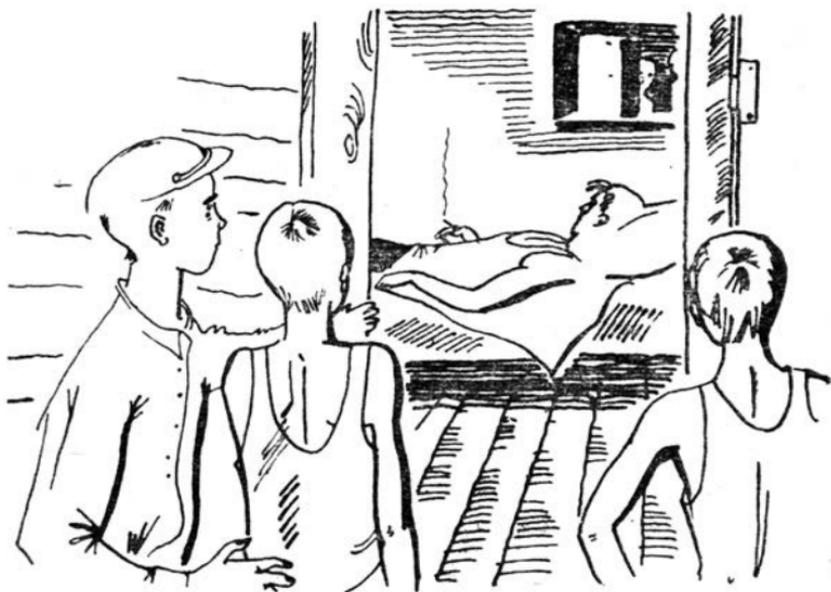
— А мы тогда завысили звание! — авторитетно говорит Федя.

Может, Лебедев и прав, а все-таки обидно.

В тот же день мы пошли к Миките Силивонцу.

— Все вытянем, до ниточки! — горячится Федя.

— У нас не отвертится! — уверяет и Славка.

— До чего же вы — петухи, хлопцы, — говорит спокойно Олег. — Расскажет или не расскажет — его дело. А сходить надо.

Сказал и умолк. Наш Звонцов выговорился на целых два часа вперед, не меньше...

Мне самому не очень хочется идти к Сапуну. Я и пошел только ради одного: бросить ему прямо в лицо жестокую правду.

Микита лежал на стареньком диване и курил толстую самокрутку.

Он не сразу заметил нас. Притворяется, гад! Вдруг вздрогнул, приподнял голову и тут же снова откинулся на подушку. Подушка измятая, грязная...

— А-а, — проворчал он, — это вы...

И снова глядит в потолок. Будто главное — по-

толок, закопченный и засиженный мухами, а не мы, разведвзводошцы.

Мы тоже молчим. Сказать правду в глаза все-таки тяжело. Шел, думал, скажу. А увидел его, лохматого, обрюзгшего, и не могу. Язык не поворачивается, не шевельнется, так сухо почему-то во рту стало.

— Микита Яковлевич, расскажите нам, как вы партизанили! — вдруг заговорил Олег. Здорово! Я думал, что Звонцов на два часа вперед выговорился, а он опять: — Как эшелоны взрывали, как вас потом схватили немцы, ну, вместе с Пальчиковым.

Микита медленно, будто свинцовую, поднял голову. Взгляд блеклый, оловянный.

— Сами дразнили: «полицай!» А теперь... — Он закрыл глаза и долго лежал, будто уснул.

И вдруг я увидел слезу. Прозрачная, крупная, она вздрогнула в уголке правого глаза, скользнула по щеке.

Потом вторая также быстро сверкнула и растаяла на грязной подушке.

Он рывком повернулся к стене. Задрожали плечи.

Мы на цыпочках пошли к двери. Когда дверь скрипнула, от дивана вдруг донесся хриплый, вздрагивающий голос:

— Стойте, хлопцы. Я все расскажу...

Мы нерешительно подошли к дивану.

— Мне все равно. Столько пережито, что и десятерым хватит... Расскажу. Не оправдаться хочу. Мне не оправдаться... Расскажу вам за то, что целый день вы мне дали пожить как человеку. Целый день!.. Ну, когда нашли «почтальона»...

РАССКАЗ МИКИТЫ СИЛИВОНЦА

— ...Перед самой войной моя жена умерла. Осталась дочка — Лида. Оттого в армию меня взяли за неделю до оккупации нашей деревни. В окружение попал в своей же области. Думал, загляну домой, посмотрю на дочку и махну через фронт.

Да не так вышло, как думалось. Сестра моя Нюра, которая за Лидушкой смотрела, занемогла. Больше месяца пробыл я дома. Конечно, можно было бы раньше уйти. И Нюру, и Лидушку соседи доглядели бы... Да окруженцы уже шли от самого Орла, Тамбова. Думалось, нажмут наши, фронт станет ближе, тогда и отправлюсь к своим.

Почти год вот так собирался. А тут немцы начали в Германию людей угонять. И Нюрин настал черед. Пошел я к Шеверневу, немецкому бургомистру. Я его знал до войны. Свинья свиньёй, скажу я вам... В кошелку окорок, ну и понес. Шевернев говорил со мной ласково. А когда я заговорил о Нюре, бургомистр насупился:

— Я не могу обманывать немцев, — говорит. — А вот что посоветую. Иди к нам кузнецом. Сам знаешь, членов семей немецких служащих в Германию не отправляют.

— Да, это я знал. Но идти кузнецом в полицию? Подумал я, подумал и решил: кузнец же не полицейский...

Ковал коней, чинил брички, телеги оковывал, то-се — ну, работы для моей наковальни и молота хватало. На тех конях ездили полицейские, на бричках и телегах — тоже полицейские... Тяжело было на душе, ой, как тяжело. Терпел. Зато Нюра дома — не в Неметчине: Лидушку мою глядит... А сам хоть

и не дома — в местечке, зато раз-другой в недельку да заскочу домой.

А тут партизаны появились. Встретили однажды. Коня отобрали, а самого к командиру. Посидел я с ним, поговорили. Дал он мне задание: разведать укрепление в местечке. Через три дня я уже докладывал командиру все честь по чести... Еду в местечко, а самого распирает от радости, будто мех кузнечный от воздуха...

А приехал в местечко — за голову хватился. Висит приказ Марченко, и в том приказе я зачислен полицейским. Я к Марченко, тот скалит зубы:

— Да ты давно уже полицейский. Это теперь в ранг возводим. Прости, что с опозданием. Кому коней ковал? Кому брички оковывал? Ну вот, как же можно без звания тебя оставить? При том сверху меня жмут за увеличение боевых единиц. Понял?

Прав, сукин сын. Но сегодня-то я и сам знаю, какой я кузнец! И все же говорю:

— Дайте дня три подумать! Дома то-се в порядок привести. — А сам думаю: за три дня как-нибудь встречусь с партизанским командиром, посоветуюсь, как быть.

Три дня я шатался по лесу до поздней ночи. Да так и не нашел партизан. Они ушли в Брянские леса... Ну, что мне было делать, хлопцы? Партизаны из окруженцев: сегодня тут, завтра там. А у меня семья. Не пойдешь, не вернешься в полицию — веревку намылят и на шею. У немцев расправа короткая...

А через месяц снова какой-то отряд объявился в районе. Взял я самый нужный свой инструмент да и махнул прямо в лес. Пулемет, что ремонтировал для полиции, прихватил, еще кое-что из мелкого

оружия, патроны. А перед этим Ньюру с Лидой за Сож переправил, к дальним родственникам... Будь что будет, только в полиции я больше не служака. Повезло! Мне вообще тогда добряче везло. Не потому, что встретил партизан. А потому, что два партизана узнали меня. Оказывается, тот, первый, отряд оставил своих хлопцев, чтобы они новый отряд создали в наших лесах. Знакомые партизаны обругали меня за самоволку. Да что сделаешь? Не ехать же мне обратно с пулеметом да с оружием в полицию.

А инструмент мой кузнечный ох как пригодился! То оружие починить, то коня подковать на все четыре — партизанского коня! А потом — уже когда ваш Иван Макарович диверсионный взвод создавал — без моего инструмента как без рук. Я мины делал. Наделаем мин — и на железку. Добрячее было времечко!

Микита вдруг осекся, нахмурился.

— Ну, а что дальше, дядька Микита? — не вытерпел Олег.

— Так вас... вас прислали... следователями? — глухо спросил он, но потом со злостью добавил: — Ну что ж, пиши, пиши...

И мы только теперь заметили в руках Олега тетрадку.

— Да мы о партизанах материал собираем,— обиделся Олег, но тетрадку сунул в карман.— И никто нас не присылал...

— И никакие мы не следователи! — добавил я. — Мы с Иваном Макаровичем решили о наших земляках-партизанах написать.

— С Иваном Макаровичем?! — как-то сразу оживился Микита Силивонец. — Добрячей души че-

ловек!.. Попало ему, бедняге. Ну, когда меня судили. Из партии его выбросили. Мол, заступаешься за предателя Силивонца. Хлебнул из-за меня горюшка ваш Иван Макарович...

— Ну, что же дальше?

Микита тяжело вздохнул. Снова закурил. И уже прикуривал сигарку от сигарки...

— ...В сорок третьем пришли каратели, под осень. Оцепили леса. Нам-то что? Вывернемся, с боем, а прорвемся. Плохо, что половина Осиновки с нами, в лесу.

А мы придумали все-таки, нашли место. Кругом болото, шагу не ступишь, а на самой середке, километра за два от берега, — сухой островок. Узенькую тропинку загатили, особые тайные переходы на всякий случай сделали и по одному всех людей перевели на остров. Замаскировали тропинку. Короче, все честь по чести... А надо было уже и самим уходить пока не поздно. Уходить решили через нашу деревню. Отсюда ближе к Сожу...

Мы с твоим дедом, Ленька, пошли в разведку. Подходим к своему последнему посту. Нас окликнули. Мы ответили паролем. Остановились у густой елки, чтобы перекурить на дальнюю дорогу. Тогда я еще не курил, а покойный Иван Максимович — заядлый курец...

Но покурить не удалось...

Набросились на нас, руки заломили, во рты кляпы сунули. И — повели...

Ну, и пошли допросы. Били нас, крепко били. Мы молчали. И тогда поволокли к начальнику полиции, Прусову. Он сразу же ко мне, как к знакомому:

— Я тебе спасибо должен сказать за Марченко. Видишь, теперь я вместо него. Но что стоит то спа-

сибо? Я, знаешь, жизнь тебе — в подарок, — и крикнул: — Позвать Юраса!

Гляжу и глазам не верю. На Юрасе Николайчике — бывшем партизане из окруженцев — новенький мундир. Ремень скрипит, аж уши режет. Так вот, значит, из-за кого мы с Иваном попались... А дальше волосы на голове дыбом стали. Прусов подсовывает бумагу:

— Не обманул ли нас господин Николайчик?

На бумаге — план лагеря. Вот и тропинка, вот и переходы. Здесь грязюка по колено. Это — тайные переходы...

Я рванулся, схватил бумагу. Жую, глотаю... А Прусов хохочет, блестит золотыми зубами. Юрас тоненько повизгивает...

Проглотил! И так добряче стало, будто самую что ни есть сладкую конфетину проглотил.

— Вижу, брат Микита, ты здорово напартизанился. — Прусов перестал хохотать. — Так и быть, отправлю тебя к твоим партизанам. Из-под расстрела отправлю... Только листовку подпиши.

И показывает листовку с моей фотографией. Мол, призываю своих сдать...

Не подписал. Нас крепко избили. Пальчиков пришел в сознание, шепчет:

— На стене ногтями выцарапаем. Об Юрасе.. — а потом вдруг встрепенулся: — У меня «почтальон» в подкладке. На «почтальоне» напишем. Поведут на расстрел — бросим в толпу. Кто-нибудь поднимет, спрячет, и наши узнают...

На стене выцарапали. Да на второй день вместе со всей деревней амбар тот сгорел... И тогда Иван Максимович написал на бумажке. Обмакнет в свою кровь и пишет...

Утром повели на расстрел. Тихо-тихо было. И вдруг взрыв, второй.

— Ваших выкуривают, — Прусов захохотал.

Ведут. Напрасно надеялись мы на людей. И души... Вот и попробуй бросить «почтальона». Конвой и поднимет... Я поддерживаю Ивана Максимовича, а он шепчет: «Беги, Микита, беги». А как ты победишь? Четверо с автоматами. И Прусов — пятый...

Вот и мой дом. Давно я его не видел. Ни одного окна. Пустота. Лидушка так и осталась за Сожем, у родственников. А Нюра, сестренка, там, на островке... Прощаюсь я со всеми. Даже с колодцем.

— А может, водички, господа партизаны? — снова захохотал Прусов.

Ох, никогда я не пил такой воды, никогда! Будто крови и силы подбавил мне мой колодец, вместо той, что Прусов с эсэсовцами выбили.

Поставили нас возле кузницы. Давно не работала кузница. А углем пахнет, окалиной...

— Беги, Ми.! — крикнул Иван Максимович, и голос заглушили автоматы.

Я еще взглянул на Прусова. Он хохотал — сверкали золотые зубы.

Пули то свистели сверху, то дзынкали с боков. Я бежал. Вот и кусты. Споткнулся, полетел на землю. А земля оказалась черной пропастью. Долго я летел... Когда увидел солнце в зените, понял, что потерял сознание...

Сначала я увидел солнце, а затем — траву. Трава до боли зеленая. А позже услышал далекий гул.

Я подхватился. В той стороне, где моя Нюра, где полдеревни сидело на островке, гудела земля.

Бежал, долго бежал. Потом шел, потом полз. И понял: напрасно. Там уже не гремело, самолеты

не кружились над лесом. Даже автоматов не было слышно.

Опять провалился в пропасть. Потом всю ночь кружил по лесу. На рассвете подошел к тропинке. К месту, где была тропинка. Тут лежало семеро партизан. Иссеченные пулями, осколками. Шестерых я не мог узнать. Седьмой был твой дед, Олег...

Олег Звонцов перестал писать. Он смотрел на Микиту широко раскрытыми глазами.

— А потом — что? — прошептал Федя.— Что потом было?

— ...Потом, — кузнец подавил вздох густой струей дыма, — трижды тонул в трясине, а добрался-таки до островка. Целый день добирался — прудил болото... И никого. Весь островок в воронках. Где — рука, где — нога, где — голова... Я, кажется, с ума сошел. Бегу, зову свою Нюру. Она отзывается. Бегу туда, а голос уже в стороне...

Ну, а потом подобрали меня партизаны... Э-эх, лучше бы не подбирали. Я уже выздоровел, и тут входит в землянку Иван Макарович:

— Мужайся, Яковлевич, — говорит. — Плюй на все! Они и не такое выдумать горазды...

— Кто — они? — спрашиваю.

— Фашисты... Вот посмотри, — и дает мне листовку.

А там, хлопчики мои, Микита Силивонец улыбается во все свои крепкие зубы. И написано большими буквами: «Я подаю вам руку!» И моя роспись внизу... Расписывался же, дурак, когда их зарплату марками получал. Ну, тогда, в полиции... А листовка — это, мол, мое обращение к мирным жителям Осиновки, которые в лесу прятались, и к партизанам. Немцам, мол, все известно, где вы пря-

четесь; вернитесь с островка среди Гнилого Болота, и все будет очень хорошо...

Вот что гад Прусов натворил. Зачем расстреливать — пусть свои расстреляют. И только тогда я понял, что по мне для вида стреляли...

А через месяц встречали Красную Армию. Только я не встречал да еще двое. Я сидел в землянке, они — у двери стояли. Охрана...

Пятнадцать лет просидел на севере...

— Так и не поверили? Судили все-таки? — спросил я, будто сам не знал, что Микита Силивонец отбывал срок.

— Без меня Лида росла, без меня. Спасибо, люди добрые вырастили...

Мы долго молчали.

Жестокость фашистов поразила нас. Удивило недоверие односельчан...

Вдруг дверь взвизгнула, и в хату вбежала Наташка.

— Дедусь, а мне... — она увидела нас и замолчала.

Потом на цыпочках подкралась к дивану, вскарабкалась на него, обняла Микиту за шею, прижалась к нему.

— Мамка мне новую куклу купит. Завтра, — громко зашептала в заросшее черными волосами ухо. — Можно мне отнести им, в детсадик?

Микита Яковлевич улыбнулся:

— Теперь садик в отпуску. Они же, — он кивнул в нашу сторону, — в школу ходят.

— А на лето будет? — забеспокоилась внучка. — Будет, Ленька, а? Ну, что ты молчишь? Воды в рот набрал, а?

Что ей ответишь?

СОЧИНЕНИЕ НА ВОЛЬНУЮ ТЕМУ

— Ура! — вдруг, закричал Федя.

Иван Макарович уронил очки. Дзынкнуло стекло. И солнце Зайчигами Заскакало в осколках. Но мы не Смотрели на осколки. Мы смотрели в окно. Один Федя беспокойно ерзал на Скамейке. Конечно, за выкрик на уроке ему попадет. Да еще эти злополучные очки...

Иван Макаровну также бросился к окну, близи-руко прищурился. Он еще всего не видит. И я ему подсказал!

— Директор!

— Михаил Михайлович? — переспросил он, будто у нас не один, а несколько директоров.

А наш директор уже машет нам рукой. И улыбается. Широко, во весь рот.

— Айда! — совсем по-нашему скомандовал Иван Макарович, и мы, давясь в дверях, вывалили из класса.

Неспроста улыбался директор. То, что он привез, — было здорово! Давность надписи в «почтальоне» 22—25 лет. Так было сказано на строгом бланке лаборатории. Даже была указана и группа крови — 1-В. Наш директор вообще-то сильно потрудился. Оказывается, в документах солдат писали группу крови, ну, если тяжелое ранение и некогда разные анализы делать. У моего дедушки-солдата была — 1-В. У Микиты же Силивонца кровь второй группы.

Да это не так уж важно. Простое доказательство, А самое главное доказательство он раскопал в архиве Центрального штаба партизанского движения. И теперь показывает его нам.

Это — небольшие фотографии. Только на них не люди, а обычная запись от руки. Нет, необычная:

«Делаю так. Выпускаю листовку с обращением к семьям бандитов, которые прячутся в болоте. Листовку «подпишет» Силивонец... Самого же Силивонца отпускаю на все четыре стороны. Буду симулировать стрельбу, может, погоню. Он хорошо держится на ногах. Значит, побежит. Пусть же свои расстреляют своего! Мы же своих Шевернева и Марченко расстреляли из-за него».

На втором листке:

«Капитан Штрумбах дал согласие. Листовки оформляются. Завтра утром их сбросят с самолета. Капитан посоветовал Юраса Николайчика тихонько отправить на тот свет. Светлая голова у Штрумбаха: убрать свидетеля! Не жалко. Какой толк с такого, который побоялся самого обыкновенного кулака — раскаялся, план лагеря и подходы начертил?»

И везде на обороте этих твердых листков — «Фотокопия верна» и большая круглая печать.

— Ура! — закричали мы.

— Постойте! — остановил нас директор. — Всю школу на ноги поднимете.

И тут же снова широко улыбнулся:

— Да, мы всю школу поднимем на ноги! Надо писать историю борьбы партизан нашей Осиновки.

— А мы уже! — отозвался Олег. — Вчера начали. У Микиты были, записали...

— Ого-о! — протянул директор. — Вас трудно опередить.

— Это все Иван Макарович! — сказал я.

— Да, чуть не забыл, Иван Макарович! Вы завтра ежайте в обком. Обязательно! Я в Минске о вас говорил. Восстановят...

Только позже я понял, о чем говорил директор нашему учителю. Восстановят, значит, в партии...

А потом случилось неожиданное. Вообще-то, в последнее время с нами случается много необыкновенного.

Вот что потом случилось.

Все шумели возле директора, а Федя стоял как в воду опущенный.

— А почему наш Лебедев приуныл? — спросил директор.

Федя сразу же отрубил:

— Очки разбил.

— Какие очки?

— Очки? — Иван Макарович заслонил собою Федю. — А-а, это я уронил очки. Они разбились. Ну, а Федя... переживает.

Наш директор хитровато улыбнулся:

— И когда он стал таким?

А мы стояли, разинув рты. Наш, всем известный нам, Иван Макарович, придира из придира — и вдруг такое! Защищает Федю! Да раньше он по пальцам стал бы перечислять уже всеми забытые грешки. А теперь почему-то глаза вдруг закрыл и на Федино «ура!» во время правописания прилагательных, и на собственные очки, что он уронил из-за этого крика... Да-а, стало случаться необыкновенное даже с нашим Иваном Макаровичем, а не только с нами!

А потом он говорил Феде:

— Пустяки! Не очки, а сущий пустяк. Давно собирался переменить. Спасибо, что помог... Да я завтра поеду в город — куплю новые, — и погрозился: — Берегись, Лебедев! Такие будут очки — наперед увижу, что думаешь дисциплину нарушать.

А мне почему-то не верилось, что Иван Макарович снова станет прежней придирой.

Назавтра была суббота. У нас было задание. Сочинение на вольную тему. Хочешь о золотой осени пиши, хочешь — как помогал колхозу.

А мы вчетвером решили писать об одном: о дедушке Кузьме. В гражданскую воевал? — Рядом с самим Гайдаром воевал! В партизанах был? — Был... Так почему же не написать? Притом, сам Михаил Михайлович сказал, что будем писать историю. Зачем же откладывать? Отклад не идет на лад.

Я так всем и сказал.

— Хлопцы,— предложил я! — Всякая там «Золотая осень», разные воспоминания, вроде «Как я помогал родному колхозу» или «Как я дома помогаю» — зачем? Мы еще не совершили такого героического, чтобы писать о самих себе. Давайте лучше напишем о наших партизанах. В группу по три-четыре человека и — писать!

— Правильно! — подхватил класс.

— Качать нашего командира!

— Ура лейтенанту Пальчикову! — громко крикнул Федя.

Хлопцы подхватили меня и подбросили к потолку. А я только одного боялся: чтобы не уронили меня на пол. И старался руки заложить под себя. Ну, чтобы спружинить, если грохнусь.

— Стойте, мальчики, стойте! — закричала наша Лина Говорюхина.

Хлопцы «стали». И я больно ударился: не спружинил вовремя руками...

— А как же отметки? — деловитым тоном спросила Лина. — Писать-то будем, предположим, вчетвером, а кому оценка? (Фу ты черт! Ей главное —

оценка...) Я на это не согласна, авторитетно заявляю. Сочинение — дело индивидуальное.

Она так и сказала: «авторитетно» и «индивидуальное»... Вот уж зануда наша Лина Говорюхина! А еще в председателях совета отряда ходит...

— Притом, не было решения совета дружины, чтобы поддержать это начинание.

И тут такой шум поднялся, что Лина, видно, поняла, что переборщила. И умолкла.

— Давай приказ, командир! — закричали хлопцы.

И я дал приказ:

— Всем писать!

И вот мы у деда Кузьмы. Неудобно, очень нам неудобно. Совсем забыли мы своего деда. А он, кажется, не очень обижается. А может, хитрит, виду не подает?.. Поглаживает свою бородку, улыбается:

— Так-таки и сказал: историю писать?

— Ну да! Ис-то-рию!

— Добрый он у вас, Михал Михалыч. Столько объездить, столько разузнать! И вы — молодцы. Доброе дело затеяли, — и совсем как Микита Силивонец повторил: — Добрячее!

Как-то, знаете, не по себе, когда в глаза хвалят. И приятно, и стыдно. Поэтому я спрашиваю, лишь бы спросить!

— Вы и в партизанах с бородой ходили?

— Уга-а, еще как помогала мне эта борода! Особенно, когда без левой ноги остался, связным пошел.

Потом мелкие морщинки у глаз быстро никнут, прячутся. А вместо них хмурые морщины бугрятся на лбу.

— И подвела меня она, черная...

Он перебирает свою чуть кудрявую бороду, всю в прострелах седины.

— Подвела... Пронюхали про бороду в комендатуре! И поймали. Приметный я: нога-деревяшка да борода как смоль. А длинная борода была.

Вот про эту бороду мы — Славка Дергачев, Федя Лебедев, Олег Звонцов и я — написали сочинение.

Переписывать сюда его не буду! Кто захочет, так прочтет в школьном «Уголке боевой славы». Там целая книга, толстая-претолстая, таких сочинений. И шестиклассники писали, и седьмой класс, и восьмой. Почти вся школа писала. Партизан в нашей деревне много. Выбирай любого и пиши. А у каждого партизана — не один случай, не один подвиг. Потому и целый том написали. И еще пишем. Правда, новые записи еще не переплели. Они еще у Ивана Макаровича. Он у нас за редактора.

А здесь я напишу коротко о бороде нашего деда Кузьмы.

В местечко он ходил как связной. Торговал табаком, картошкой. Конечно, не то чтоб взаправду торговал, а чтобы была причина на базар поехать. Связные передадут ему маленькие листочки со сведениями. Куда их спрятать? В картошку? А вдруг полицаи отнимут картошку?... В табак? Тем более могут отнять... А бороду никто не отнимет! Свернет дед Кузьма маленький листочек да в бороду и спрячет. Идет-колдыбает мимо комендатуры да посмеивается в бороду.

Да вот однажды кто-то донес, что неспроста одноногий Кузьма зачастил в местечко. Схватили его. Обшарили везде. Всю одежду перепороли! И конечно же, не нашли.

И тут комендант схватил его за бороду...

А потом было самое страшное.

— Бакенбард делаю! — хохотал комендант и прижигал сигаретой кожу выше бороды, к виску.— Без бакенбард и борода — не борода.

Дед молчал... Потом потерял сознание. Комендант пообещал второй «бакенбард» сделать завтра утром. Да не сдержал комендант своего слова. Связные сообщили в отряд, и ночью партизаны разгромили комендатуру да заодно и водокачку взорвали...

Нам за это «сочинение» Иван Макарович поставил по пятерке. Интересно то, что не придрался. Все-таки у нас он нашел орфографическую ошибку. Подвел всех Олег:

— Бакенбарды — от слова «бок»,— сказал он.

Мы подумали, и правда: бакенбарды — сбоку. Ну, кто же из нас мог знать, что это французское слово?

— Да мы в корень смотрели, — оправдывается Олег Звонцов. — Ну, русский корень...

— Вот и отлично, что в корень смотрите! — улыбнулся Иван Макарович.

СТАРАЯ ЯБЛОНЯ

Честное пионерское, нет времени писать. Четверть идет к концу. А надо собирать материалы о наших партизанах. И надо готовить к отправке яблоньки в далекий кустанайский совхоз. И к празднику надо самодеятельность готовить.

Хотел было больше написать о наших осиновских партизанах. Ну, да вы сами прочитаете, когда в наш школьный музей заглянете. Хорошие люди у нас. Живут вот рядом такие люди, а мы и не знали, что они такие добрые. Правду говорит дед Кузьма:

— Человек — что звезда. Обычным днем его не видно. Простой, как все. А случись беда — и сразу появляется человек. Как звезда ночью.

Но об одном я все-таки расскажу. Об этом нельзя умолчать. Это случилось сегодня.

Недалеко от нашей школы растет старая яблоня. Вокруг нее не было ни одного деревца — пустырь. Только цветы густо цвели.

Теперь, осенью, и цветов меньше. Одни поздние георгины да гвоздика пламенеют возле ограды. А на ограде — дощечка:

«Это — единственное дерево,
уцелевшее в деревне Осиновка во время
Великой Отечественной войны».

Сюда приходим на торжественные сборы. Здесь принимают в пионеры.

Сегодня на пустырелюдно. Сюда пришла вся дружина. У ограды развевается красное знамя. Пионеры уже стали в шеренгу. И почти у каждого в руках — деревце.

И вдруг осеннюю тишь разорвал горн.

Михаил Михайлович шагнул вперед. Тихий голос его звучит и торжественно и грустно:

— Пальчикову Ивану Максимовичу — партизану-разведчику, павшему смертью храбрых за честь и независимость нашей Родины.

Я еще стою в строю. Я никак не могу решиться шагнуть всего лишь десятков шагов.

Наконец шагнул. В руке — кленик. Поздний лист еще держится на ветке. Чуть вздрогнул лист и снова замер.

Осторожно распрямляю махристые корни, укутываю влажной землей. Моя рука столкнулась с чьей-то. Большая это рука, вся в черных трещинах.

И нечего поднимать глаза: так знаю, чья. Да и запахло углем, окалиной... И две наши руки — маленькая и большая — делают лунку. Медленно, медленно...

Потом эта ж рука подает мне металлическую пластинку. И я привязываю ее к нижней ветке.

На пластинке — год рождения. Теперь моему дедушке было бы семьдесят. И борода была бы у него. А может, и не было б.

И как ни стараюсь представить, каким дедушка был бы сейчас, а не могу. Мне почему-то кажется: таким, как на фотографии. Молодцеватым. С автоматом. И с полоской на шапке-ушанке, потому что Иван Максимович — партизан..

И я закрываю глаза и будто вижу утро. Их везут по Осиновке. Микита Яковлевич поддерживает моего дедушку. А дедушка думает, думает все об одном! Хорошо, если убежит Микита... А людей — никого. А в кармане — маленькая эбонитовая трубочка. Куда бросить, чтобы «почтальон» стал почтальоном?

И вот Микитов колодец. Новый колодец. А все-таки колодцы чистят... И летит «почтальон» в колодец. Даже Микита не заметил. Думал, капли с ведра. И когда Микита сказал: «Ну и водичка!» — дедушка ответил: «Еще чище станет...» А прямее сказать, как ты скажешь? Рядом — пятеро. И близко кузница...

Колхозный оркестр вдруг заиграл «Интернационал». Застыл строй. И сотни рук — в пионерском салюте.

Один только я не в строю, а возле дедушкиного кленика. Но и моя рука тоже замирает в пионерском салюте.

И только кленовый листок красным лоскутом
трепещется по ветру...

Нет, не один. Лист еще держится на многих дере-
вцах.

И на деревце Олегова дедушки.

И на том, что посадят в память о павшем муже
тетки Аксины.

Их много. Очень много их, деревьев...

И горят листья под солнцем.

И трепещется на ветру красное знамя у старой,
теперь вовсе не одинокой на этом пустыре яблони.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пахучие груши	3
Два мельника.....	7
Не то сказка, не то быль	10
Мы кроем крышу.....	17
Микита Силивонец и его внучка.....	22
Наряд вне очереди.....	27
Серьезное дело	32
Последние приготовления	36
Операция «РВ-1».....	40
Мы снова ссоримся	44
Снова Микита Силивонец	48
Операция «РВ-2»	51
На дне старого колодца	58
Верить или не верить?	68
Рассказ Микиты Силивонца	74
Сочинение на вольную тему	83
Старая яблоня	89

Кейзаров А.

Первый разведзвод. Повесть. Минск, «Беларусь», 1969.

96 с. с илл. 115 000 экз. 11 к.

«Человек — что звезда. Днем его не видно. А случись беда...» — так говорит большой друг ребят дед Кузьма.

И ребята понимают его и благодаря ему понимают людей.

Тот же Микита Силивонец. Его некоторые считали предателем-поллицаем, но он вовсе не такой. Шаг за шагом разматывают «разведзводцев» и их старшие товарищи запутанный клубок событий двадцатипрехлетней давности. Правда и честность берут верх.

А память о тех, кто сложил голову за Родину, за право жить, навеки останется в сердцах пионеров-«разведзводцев».

Не проходи мимо, присмотришь, — и ты тоже скажешь: «Человек — что звезда!»

7-6-3

P2

267-69

K 33

А л е к с е й С т е п а н о в и ч К е й з а р о в

ПЕРВЫЙ РАЗВЕДВЗВОД

Для среднего и старшего возраста

Издательство «Беларусь», Минск, Ленинский проспект, 79.

Редактор И. Соколовский. Художественный редактор В. Жиженко.
Технический редактор Г. Федорук. Корректор Л. Товаченко.

АТ 00990. Сдано в набор 10/IX 1968 г. Подп. к печати 26/XII 1968 г.
Тираж 115 000 экз. Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Бумага тип. №2. Усл. печ. л. 5,04,
Уч.-изд. л. 3,66. Зак. 1277. Цена 11 коп.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа. Минск, Красная, 23.

И з д а т е л ь с т в о « Б е л а р у с ь »

выпустило в свет следующие книги

на русском языке:

- Г е р ч и к М. Повесть о золотой рыбке, 232 стр., 47 коп.
Г а в р и л и н Д. Первый выстрел, 80 стр., 9 коп.
Б у р с о в И. Матрешкины сказки, 47 стр., 23 коп.
Белорусские народные сказки, 480 стр., 69 коп.
К у н о в с к и й Г. Лесовоз, 16 стр., 6 коп.
Ж и ч к а Ф. Оружие берут сыновья, 280 стр., 31 коп.
С и м а н о в и ч Д. Зеленый кузнечив, 30 стр., 16 коп.
К а з а н о в Б. Антоновские яблоки, 80 стр., 12 коп.
С а м у с е н к о Э. Жемчужина Полесья, 108 стр., 26 коп.
М о и с е е в а М. Что за дом-гостиница, 24 стр., 8 коп.

Эти книги вы можете купить
во всех книжных магазинах Белоруссии.

11 к.